

Молотай

инв. № 250
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ЭКЗЕМПЛЯР №

2662

СБОРНИК КГБ СССР

143

№ 52

Прих. № 1415 Эка. № 2662

СПЕЦБИБЛИОТЕКА
КГБ Литовской ССР

МОСКВА 1990

СБОРНИК КГБ СССР

Основан в апреле 1959 года

Выходит один раз в месяц

СОДЕРЖАНИЕ

В Комитете Верховного Совета СССР по вопросам обороны и государственной безопасности	3
К 120-летию со дня рождения В. И. Ленина. А. ПЕТРУШИН — Тюменский мавзолей	4
К 45-летию ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ	
Встреча Председателя КГБ СССР с ветеранами органов госбезопасности	6
В. СКОМОРОХОВ — На алтарь Отечества. Очерк	7
В. ЛЕВЧЕНКО — «Буря» на связь не вышла	12
КОНТРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ РАБОТА: ОПЫТ ПРОШЛОГО И ПРАКТИКА ПЕРЕСТРОЙКИ	
И. КОТОВ, В. СИЛИН — Спасибо Вам, Анна Владимировна! Очерк о разоблачении ценного агента ЦРУ США	18
Продолжаем дискуссию о работе с агентурой. С. МАЗУР, В. ПОПОВ — Проблемы конспирации и собственной безопасности	33
Ф. ТАТАРСКИХ — Объективность нужна всегда	40

143

М А И

1990

МОСКВА

А. ЗДАНОВИЧ — Бизнесмены на оружейной ниве	44
Оперативная хроника. Л. КОВАЛЕНКО, Ю. АНАНЬЕВ — Кооперативы-контрабан- дисты	52
Ю. ЕРОФЕЕВ, В. СТАРИКОВ — О захватах заложников в ИТУ и участии чекистов в их предупреждении и пресечении	53
Проблемы и суждения. У. ЛАТЫПОВ, А. МИ- КУЛЬШИН — О новом юридическом мыш- лении сотрудников контрразведки в свете принципов социалистического правового го- сударства	58
Из почты Председателя КГБ СССР	64

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. В. Толкунов (ответственный редактор), В. И. Алексеев, П. Ф. Дубровин, В. П. Колесников, Л. А. Постников, В. Н. Расторгуев (зам. ответственного редактора), Е. Д. Сахаров, В. П. Скоморохов (ответственный секретарь), Н. Н. Скороваров (зам. ответственного редактора), И. И. Устинов, В. С. Широинин, И. И. Якушев.

Вниманию читателей!

Апрельский номер «Сборника КГБ СССР», посвященный 45-й годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне, издан без грифа секретности тиражом 138 тысяч экземпляров.

Те читатели, которые не приобрели открытый Сборник, могут познакомиться с его отдельными публикациями в настоящем выпуске.

В «Сборнике КГБ СССР» № 143 пронумеровано 64 страницы.

Упомянутые в статьях фамилии и псевдонимы в необходимых случаях изменены авторами или редакцией.

Адрес редакции (для секретной переписки): Москва, Редакция «Сборника КГБ СССР», тел. ОС 89-21-94, 89-20-22.

Корректоры: И. В. Рыбалкина, В. В. Ткачева, Л. И. Шулепова, Р. А. Донская.

Сдано в набор 10.04.90. Подписано к печати 08.05.90.

Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Заказ 0055. Тираж 4800 экз. Инв. № 52.

Типография Хозяйственного управления КГБ СССР

В КОМИТЕТЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ПО ВОПРОСАМ ОБОРОНЫ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

5 апреля в соответствии с планом работы в Комитете Верховного Совета СССР состоялись закрытые слушания о деятельности спецслужб капиталистических государств против СССР.

С сообщением на эту тему выступил заместитель Председателя КГБ СССР В. Ф. Грушко. Он также ответил на вопросы членов Комитета. Затем депутаты осмотрели экспозицию средств разведывательной деятельности иностранных спецслужб против СССР.

По результатам обсуждения Комитетом Верховного Совета СССР было принято соответствующее постановление, в котором, в частности, отмечается:

1. Принять к сведению сообщение КГБ СССР «О деятельности спецслужб капиталистических стран против СССР».

2. Обратить серьезное внимание руководства контрразведывательных подразделений КГБ СССР на активизацию в последнее время разведывательной деятельности спецслужб США, ФРГ и некоторых других иностранных государств против Советского Союза. Иметь в виду, что эта деятельность фактически направлена на подрыв процессов перестройки, ослабление международных позиций, оборонной мощи и экономического потенциала Советского Союза.

В этой связи рекомендовать руководству контрразведывательных подразделений Комитета госбезопасности принять дополнительные эффективные меры по противодействию разведывательной деятельности иностранных государств против СССР.

3. В целях разоблачения враждебных Советскому Союзу действий иностранных разведок и ознакомления советской и зарубежной общественности с материалами о борьбе с ними органов КГБ рекомендовать Комитету госбезопасности шире использовать средства массовой информации Советского Союза.

(Текст сообщения т. Грушко В. Ф. на заседании Комитета Верховного Совета СССР будет опубликован в следующем номере Сборника.)

ТЮМЕНСКИЙ МАВЗОЛЕЙ

Подполковник А. ПЕТРУШИН

Бело-голубое здание сельскохозяйственного института расположено у берега Туры, в самом начале улицы Республики — главной улицы Тюмени. Фигурная кирпичная кладка по фасаду, густо заросший сквер, обнесенный металлической оградой. Здесь когда-то учились писатель М. М. Пришвин, дипломат Л. Б. Красин, разведчик Н. И. Кузнецов.

С 10 июля 1941 по 25 марта 1945 года в нем хранился саркофаг с телом В. И. Ленина.

С тех пор четыре с лишним десятилетия этот факт по непонятным причинам не подлежал оглашению.

Тюменские чекисты решили сообщить общественности о знаменательном, поистине историческом периоде жизни города. Сделать это было совсем не просто: в местных архивах на сей счет не сохранилось ни единого документа, не помог и Центральный архив КГБ СССР.

Оставалось одно: разыскать ныне здравствующих бойцов из почетного караула временного мавзолея. Было известно, что пятеро из них после войны возвратились в Тюмень и продолжили службу в местных органах госбезопасности. Поиски увенчались успехом: ветераны-чекисты Г. И. Игнатьев, В. В. Сюткин, Г. П. Пчелинцев, Н. М. Корнуков поделились воспоминаниями об эвакуации саркофага с телом В. И. Ленина в Тюмень, об организации его охраны в тыловом городе, назвали имена сотрудников Тюменского отдела НКГБ, участвовавших в этом.

Зимой 1944 года в Тюмень приехала ответственная правительственная комиссия, в которую входили нарком здравоохранения СССР Г. А. Митерев, академики А. И. Абрикосов, Н. Н. Бурденко и Л. А. Орбели. Она должна была дать заключение о состоянии тела В. И. Ленина и возможности его дальнейшего сохранения.

Вот ее выводы. «Достижения нашей медицинской науки позволяют с уверенностью говорить: тело Владимира Ильича Ленина, каким мы видим его сейчас, увидят наши самые отдаленные потомки...»

В те же дни газеты опубликовали Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами научных работников лаборатории Мавзолея В. И. Ленина «за выдающиеся заслуги в проведении работ по сохранению тела В. И. Ленина в неизменном виде и большие научные достижения в этом деле...».

Январем 1944 года датирован документ, обнаруженный нами в архивном личном деле одного из чекистов: «За успешную работу по выполнению заданий НКГБ СССР в условиях военного време-

ни наградить боевым оружием... Ждуру Павла Федоровича...» Он сменил на посту начальника горотдела С. П. Козова и до конца пребывания «спецобъекта» в Тюмени нес персональную ответственность за его охрану. Сохранять тайну старинного особняка в условиях маленького провинциального городка было трудно. В Тюмени разместились свыше двадцати эвакуированных предприятий, двадцать два госпиталя. Население увеличилось с 75 до 150 тысяч, среди них было немало таких, кто обоснованно подлежал оперативной проверке.

Бывший первый секретарь Тюменского горкома ВКП(б) Д. С. Купцов в своем письме, адресованном в Управление КГБ, написал: «...вроде бы никакой заслуги Тюмени в этом нет. Вроде бы город для этого ничего не сделал. А я считаю, не так. Место было выбрано действительно хорошее. И условия мы сумели создать, несмотря на очень тяжелое положение... Я 1908 года рождения, был в комсомоле, организовывал колхозы, потом — партийная работа. И слово «Ленин» у меня не сходило с уст. Если бы меня спросили, что самое значительное я сделал во время войны, я бы ответил: участвовал в сохранении тела Ленина. Хотелось бы, чтобы тюменцы знали и гордились тем, что в тяжелых военных условиях в их городе, а значит, и их усилиями сохранялось тело вождя. Мы нередко мобилизовывали людей на работы, которые были связаны с нуждами «спецобъекта». Тогда мы об этом не говорили, а теперь они имеют право узнать... Глубоко символично, что этот факт сделают достоянием гласности тюменские чекисты, которые по необходимости принимали меры по его строгой секретности...»

В апреле 1988 года материалы и документы, собранные сотрудниками УКГБ, были опубликованы в центральной и местной печати. Тюменцы могут открыто гордиться тем, что в лихую военную годину их город сберегал тело В. И. Ленина.

Общественность высоко оценила инициативу Управления КГБ по рассекречиванию уникальной страницы Ленинианы. Прошли юбилейные торжества по случаю 120-летия рождения В. И. Ленина, состоялось открытие мемориальной доски на здании сельхозинститута, издан буклет, в котором отражено участие чекистов в охране тюменского мавзолея.

г. Тюмень

К 45-летию ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

ВСТРЕЧА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КГБ СССР С ВЕТЕРАНАМИ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

Им уже далеко за шестьдесят — ветеранам-чекистам, пришедшим 8 мая 1990 года на встречу с Председателем КГБ СССР генералом армии В. А. Крючковым. Но надо было видеть, как модели их лица, когда в фойе просторного конференц-зала встречали они друзей, сослуживцев, однополчан, надо было слышать их воспоминания, чтобы понять, какой трудный боевой путь прошли они, насколько сложная, интересная и нужная работа за плечами у каждого.

А вспомнить было о чем. Ведь на встречу, посвященную 45-й годовщине Победы, пришли участники Великой Отечественной войны, труженики тыла, ветераны органов КГБ.

Владимир Александрович Крючков от имени всех сотрудников КГБ тепло приветствовал собравшихся, поздравил их со славным юбилеем, пожелал крепкого здоровья, счастья, творческого долголетия. По его предложению участники встречи минутой молчания почтили память чекистов, погибших в годы войны или недоживших до 45-летнего юбилея Победы.

В состоявшемся затем заинтересованном разговоре о минувших днях и нынешних заботах приняли участие кавалер орденов Славы трех степеней подполковник в отставке А. В. Румянцев, мастер цеха ЦНИИСТА ОТУ КГБ СССР В. Я. Елистратов, Герой Советского Союза полковник в отставке Н. В. Калуцкий, заместитель председателя Совета ветеранов КГБ генерал-лейтенант в отставке Ф. А. Щербак и другие товарищи. От имени воинов-интернационалистов и чекистов младшего поколения с праздником Победы ветеранов поздравили Герой Советского Союза майор Б. И. Соколов и секретарь комитета ВЛКСМ КГБ СССР В. А. Корендюк.

В заключение встречи В. А. Крючков рассказал о наиболее важных проблемах, которые решают сотрудники Комитета в современной сложной обстановке, ответил на вопросы ветеранов.

Во встрече приняли участие секретарь Парткома КГБ СССР Н. И. Назаров, заместители Председателя Комитета госбезопасности, руководители общественных организаций КГБ СССР.

НА АЛТАРЬ ОТЕЧЕСТВА

О черк

Полковник В. СКОМОРОХОВ

1. «ВСЕ ШЛО КАК ПОЛОЖЕНО...»

— Объявился «Пастор»... Жив, невредим!

— Ну и ну, просто не верится! Как он все выдюжил?!

— По-прежнему не любит много распространяться, лишь говорит: «Все шло как положено...» Побывал в оккупированных Гжатске, Смоленске, Минске. Зацепился, как и поручалось, за подразделение смоленского разведывательного пункта абвера. Прошел ускоренную подготовку по работе с рацией. Привез ценную разведывательную информацию...

— Ну, молодец! Превзошел все самые смелые ожидания, надежды... Редкостный человек и надежный помощник.

— Невозможное сделал... Побывал в глубоком тылу немцев. Стал «своим» человеком в абвере! Каждый день рисковал жизнью... А сейчас заладил свое: «Все шло как положено...»

2. «ЛЮБИШЬ ОГОНЬ — ЛЮБИ И ДЫМ»

— Агентов противника расстреливают на рассвете! Старо как мир. Для дворян исключения не делают, — криво усмехнулся абверовец.

Нет, он, «Пастор», не ослышался. «...Расстреливают на рассвете». Этой убийственной фразой можно уложить наповал даже человека неробкого десятка, но только не его. Он, стиснув зубы, инстинктивно сжал кулаки в карманах брюк. Нокаутирующий удар под дых! Вспомнились слова соседа по камере: «Немцы — аккуратисты... Спозаранок в расход пушают...»

Абверовец разочарованно наблюдал. Не было ожидаемой истерики, унижительной мольбы о пощаде, страдальческих глаз. «Пастор» ослабил тугой узел галстука, будто он мешал ему говорить.

— Все под богом ходим, — тихо сказал «Пастор». — Если ему будет угодно, то и смерть за богоугодное дело примем...

— Сожалею, но священников в штате не держим. Придется обойтись без отпущения грехов, — ядовито вставил абверовец.

Он был весь внимание, ловил каждый жест, мимику, интонации голоса. «Пастор», не повысив голоса, медленно сказал:

— Я готов принести свою жизнь на алтарь Отечества, своего народа... Суд скорый — суд черный, неправедный... Добро бы к чекистам угодил, а то ведь сам к вам пришел, головой рисковал... Сколько людей ждут моего возвращения, рвутся в дело...

Зряшно доверились мне. Мы, монархисты, хотели действовать сообща, ведь у нас один враг — большевики, комиссары... Голова моя садовая. Себя под пули подставил... Да и дело сгубил...

Только «Пастор» увлекся обстоятельным рассказом о возможностях тайной монархической группы, которую он был «уполномочен» представлять, как его грубо оборвали:

— Хватит... Довольно нам голову морочить. Даже для чекистского агента это уж чересчур. Гнусное вранье. На кого оно рассчитано? Чье задание вы выполняете? Какую цель преследуете?

Лихорадочно заработала голова «Пастора»: «Главное не дать себя «завести», запугать... Одно опрометчивое слово — и подписал себе смертный приговор. Как говорится, с порога начали угрожать концлагерем. Даже поселили в лагере для военнопленных. Давят на психику...» На его бедовую голову как из рога изобилия обрушились угрозы, оскорбления... Абверовцы пробовали психологически подавить, сломить его — пустое дело. «Пастор» стойко и твердо стоял на своем: «Уполномочен... Мне доверена высокая честь... Я верен клятве единомышленников из монархической организации, возглавляемой Глебом Седовым...»

«Пастору» не в чем было себя упрекнуть. Он ни на йоту не отклонился от отработанной чекистами легенды. Просто судьба-индейка подставила подножку. Абверовцы попались крутые, подозрительные, недоверчивые — взяли его в оборот, но ничего не вытрясли, не подловили на противоречиях, неточностях. «Пастор» глубоко осознал, что взялся выполнить неординарное, дерзкое по замыслу задание чекистов — проникнуть к немцам и закрепиться в гитлеровской спецслужбе. Как говорится, смертельный номер.

— Вы перекармили нас сладкой ложью. Как могли чекисты проворонить целую монархическую организацию? Чем вы можете поручиться? Честью дворянина? Пустой звук. Сколько их приняли сторону большевиков! Вас послали обреченные чекисты. На войне как на войне. Прикажете верить вашему дворянскому или княжескому слову? В абвере простофили не служат. Где доказательства вашей лояльности? В разведке хлеб — факты, шоколад — доказательства.

Допрос следовал за допросом. Угрозы за угрозами. Сменялись следователи. Менялась методика допросов. Как говорится, были и кнут, и пряники! Если бы он не убедил немцев, его расстреляли бы сразу же, в первый день. Нет, тут другое: видно, на ловца и зверь бежит. Абверовцам дозарезу нужна информация о том, что происходит в Москве: на столичных заводах, особенно в воинских штабах, а лучше всего — в Генеральном штабе, в оборонных наркоматах, на железнодорожном транспорте. Нужны факты, свежие данные. Нет, он, «Пастор», ох как им нужен!

В гнетущей тишине предрассветной мглы над его головой просвистели пули... Идиотский спектакль. Не сдался на допросах — решили сломить имитацией расстрела... Не был он, «Пастор», баловнем судьбы. Легкое ли дело перейти линию фронта? Чуть не подорвался на немецком минном поле. Попал под бомбежку.

Ночью чуть не пристрелил часовой... Теперь вот расстрел... Как любят говорить чекисты, любишь огонь — люби и дым. Любишь жизнь — борись, не сдавайся до последнего мгновения! И он держался...

Княжеский отпрыск, дворянин — и вдруг чекистский помощник. Какая невероятнейшая житейская метаморфоза. На это «Пастор» отвечал предельно откровенно:

— Я — русский человек. И если мое Отечество в опасности, то мне грешно сидеть сложа руки. Мое место в самом пекле, на острие борьбы...

У чекистов было много кандидатов на это задание. Но нужно подчеркнуть: на агента «Пастора» выбор пал далеко не случайно. Для закодированной чекистской операции «Монастырь» он подходил, как никто другой. В чем-то ему не было равных: в выдержке, находчивости, изобретательности, в способности действовать на пределе человеческих возможностей. Не привык он пасовать, подчиняться обстоятельствам, приспосабливаться к обстановке. Надо — шел наперекор, делал невозможное вопреки неудачно сложившимся обстоятельствам. Был способен предвидеть ход событий, никогда не терял самообладания. Не паниковал в самой безнадежной ситуации. Верил — выкрутится, выйдет победителем из невероятно опасного, запутанного положения. Человек обстрелянный, умеющий расположить к себе довольно привередливых, не вызывающих при общении симпатию и доверие людей. Чекисты довольно быстро и без колебаний остановили свой выбор на «Пасторе». Иначе и быть не могло: ведь его отобрали для длительной чекистской операции — радиоигры. Каждый ее этап должен идти по строгому плану, безусловно, с учетом коррективов, которые будут вноситься непредвиденными ситуациями и непрочисланными «ходами» абвера.

«Пастор» не ударил лицом в грязь, не подвел. Показал себя с совершенно неожиданной стороны, в новом свете. Отчетливо выявились редкостные качества его природы. Одно слово — боец! Шансы были явно минимальные, а каков результат! Более того, сумел себя выгодно подать, преподнести. А главное — он умел быстро и точно просчитать возможные последствия опрометчивого шага. Ведь обратный ход не дашь. Приходилось все время быть начеку. Ему удалось заинтересовать немецкую разведку, так как строго следовал детально отработанной легенде. Как курьер организации он подробно рассказал абверовцам о церковно-монархической группе поэта Глеба Седова, о ее членах, о причине своей рискованной посылки за линию фронта. «Пастор» сумел преподнести рассказ правдоподобно, держался с достоинством, без всякого стремления понравиться. Сообщил, что все члены организации с нетерпением ждали взятия Москвы немцами, выпустили листовку... Но в настоящее время неожиданный отход немецких войск от столицы дезорганизовал членов группы, ее руководителей. Они пали духом, потеряли надежду. Словом, дела были явно плачевные.

Абверовцы пристально изучали «Пастора». Ему очень помогло то обстоятельство, что он никогда не терял самообладания. Особенно оно пригодилось агенту, когда немцы имитировали его расстрел. Час от часу не легче! Кроме чувства облегчения он испытывал тогда удовлетворение, ибо наконец-то все позади! Он пережил ужасные часы. Все было как в кошмарном сне... Но, к чести «Пастора», он достойно выдержал эту жестокую, но решающую проверку. Быстро психологически оправился и на допросах отвечал четко и конкретно.

3. ЧЕКИСТЫ НАЧИНАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ

В суровом 1941 году газета «Красная звезда» точно выразила всенародное мнение: «Мы знаем, за что воюем: за право дышать. Мы знаем, за что терпим: за наших детей. Мы знаем, за что стоим: за Россию, за Родину». Да, советские люди сумели пережить дурные вести. Не за горами первые победы. А пока, как говорится, у всех на душе кошки скребли. Ибо враг стоял у стен Москвы. Именно в эти до предела тяжелые, напряженные дни началась выделяющаяся своей дерзостью, продолжительностью и крупномасштабностью чекистская операция под кодовым названием «Монастырь».

Спешу оговориться: в этом очерке нет ни толики вымысла. Досужий домысел, нарочитая фантазия бледнеют перед непридуманностью, непричесанностью конкретной фактуры. Жизнь — непревзойденный, неистощимый драматург.

Более тысячи дней скрытой, тайной борьбы, когда порой вся тонкая по замыслу и виртуозная по исполнению операция «Монастырь» то шла мучительно медленно, то неслась в безудержном темпе.

Исполнителей будущей операции тщательно подбирали среди отлично зарекомендовавших себя оперработников и многоопытных агентов, обладавших поразительным даром: любое, казалось бы, самое невыгодное, даже проигрышное, на первый взгляд, обстоятельство мастерски повернуть по своему желанию. Дожать — и одержать верх!

Было решено в качестве «интересной зацепки» использовать для подставы немцам якобы существующее в нашей столице тщательно законспирированное антисоветское церковно-монархическое подполье. Но как вызвать у них этот интерес?! Для внедрения в абвер были использованы полученные чекистами реальные данные о намерении московского поэта Глеба Седова сколотить контрреволюционную группу и связаться с немцами в целях оказания им помощи в борьбе с Советской властью.

Выяснилось, что поэт Глеб Седов далеко не случайно вынашивал намерение предложить свои услуги немецкой разведке. На то у него были свои, личные причины. Его радовали плохие новости с наших фронтов. Чем хуже были сводки Совинформбюро, тем больше ликовала его душа. Что им двигало? Корысть, потерянное собственное благополучие. Он неисправимый эгоцентрик. От-

сюда невыносимое высокомерие и ограниченность взглядов. В своем окружении поэт Глеб Седов и его жена вели антисоветскую, пораженческую агитацию и с нетерпением ждали прихода гитлеровцев.

При первом же знакомстве с поэтом «Пастор» отметил: излишне кичится своим прошлым, знатной родословной. Выходец из дворян, он мечтал о возвращении поместья отца, предводителя дворянства в одной из губерний. В 1913 году восторженный Глеб Седов был представлен самому царю. Памятное событие на всю жизнь, повод для многих стихотворений. Его жена, представительница знатного дворянского рода, удостоилась высшей для себя чести — была одной из фрейлин императрицы Александры Федоровны. Сколько воды утекло с тех пор! Все в далеком прошлом...

Одному из помощников чекистов, «Старому», с которым особенно был откровенен Седов, было поручено подобрать группу лиц для использования их в установлении связи с немцами. В своей среде Седов не смог бы выбрать человека для перехода через линию фронта, способного ориентироваться в незнакомой обстановке. Да и кто из «говорунов», привыкших лишь бравировать прошлым, сунет голову в петлю настоящего, решится рисковать «собой»? Ведь немцы могли и не «клюнуть», проигнорировать предложение о тесном сотрудничестве. Нужен был человек незаурядный, смелый, дерзкий, находчивый...

Через «Старого» был внедрен в группу Глеба Седова человек и впрямь неординарный, подходящий во всех отношениях. Редкая удача, настоящая находка для представителей скрытой «пятой колонны». Да и чекистам повезло. Это был проверенный, испытанный их помощник «Пастор». Его отец — бывший есаул казачьих войск, мать — бывшая княгиня, была знакома в прошлом с председателем Государственной думы Родзянко, известна в кругах видной зарубежной белой эмиграции, а отец жены — врач, учился в Германии. И сам «Пастор» одно время проживал за границей. Все это помогло ему в последующем закрепить доверие к себе разведцентра немцев.

(Окончание следует)

«БУРЯ» НА СВЯЗЬ НЕ ВЫШЛА

Подполковник В. ЛЕВЧЕНКО

Весна 1942 года. Разгром немцев под Москвой, ряд успешных операций, проведенных советскими войсками на Юго-Западном фронте, позволили удержать противника на подступах к Донбассу. Но он рвался дальше на восток, к Ростову-на-Дону, на Северный Кавказ. Угроза оккупации города Ворошиловграда была реальной.

Оказавшись в прифронтовой полосе, город начинает жить по законам военного времени. Под руководством областной партийной организации ведется эвакуация предприятий и населения, готовятся условия для борьбы с врагом на время оккупации. Ответственные задачи решают в это время чекисты области. Наряду с обезвреживанием агентуры, в большом количестве забрасываемой противником на территорию области, они помогают партийным и советским органам готовить и организовывать подполье, партизанские отряды и диверсионно-разведывательные группы, способные обеспечить командование Красной Армии достоверной разведывательной информацией, наносить удары по живой силе и технике противника, дезорганизовывать работу его тыла. А для этого требуются опытные кадры. Их подготовка поручается органам государственной безопасности. В 18 километрах от областного центра на базе дома отдыха завода имени Октябрьской революции в октябре 1941 года была создана специальная школа четвертого управления НКВД УССР*, готовившая командиров партизанских отрядов и групп, подрывников, разведчиков и радистов. Партийные и комсомольские организации городов и районов Ворошиловградской и Донецкой областей направляли туда лучших своих представителей, способных вступить в схватку со смертельным врагом на невидимом фронте.

Занимавшиеся подбором кандидатов на учебу в спецшколу НКВД УССР чекисты еще в начале марта обратили внимание на недавнюю выпускницу курсов медсестер, теперь проходившую практику в городской больнице, Любовь Шевцову.

В первых числах апреля 1942 года очередная группа будущих курсантов, и среди них восемнадцатилетняя Люба, предстала перед мандатной комиссией, которая отобрала достойных.

И вот Люба — курсант спецшколы НКВД. Начались дни напряженной учебы, жизнь по строгому распорядку, подчиненному одной цели — подготовке высококлассных специалистов. Ранний подъем, физическая зарядка. Затем завтрак в столовой и занятия в радиоклассах.

* В мае 1942 года школа перешла в подчинение Украинского штаба партизанского движения.

Училась в 7-м взводе радиороты, а земляки, братья Левашовы, — в 5-м. Вместе с ними нелегкую науку постигали краснодонцы Шура Панченко, Мария Козьмина, Володя Загоруйко и другие.

Опытные преподаватели обучали курсантов работе на портативных коротковолновых радиостанциях, прививали навыки шифровки и дешифровки радиограмм. Курсанты осваивали личное оружие, стреляли из нагана и маузера, занимались парашютной и строевой подготовкой.

Фронт приближался к Ворошиловграду, поэтому приходилось тренироваться буквально до изнеможения — по 10—12 часов в сутки, все старались как можно быстрее приобрести необходимые навыки в работе, овладеть искусством разведки.

Но как бы ни было трудно и какой бы ни была усталость, а молодость брала свое. Вечером все шли на танцы. Здесь Любе не было равных. Неугомонная и веселая, она часто была в центре внимания, любила шутку и песню, а матросское «Яблочко» в ее исполнении было таким задорным и зажигательным, что никого не оставляло равнодушным. После танцев шли к Северному Донцу. Прогуливались в лесу, и, конечно же, с чего бы ни начинался разговор, заканчивался он обсуждением последних событий на фронте, о которых сообщало Совинформбюро.

А утром вновь за учебу. В часы занятий она становилась совершенно иной: спокойной, внимательной, сосредоточенной, схватывала все, что называется, на лету. Но был момент, когда у нее и Ивана Кирилюка, сидевшего с ней за одним столом, не заладилась учеба, появились трудности в работе на радиостанции. Одно время их даже хотели отчислить из школы, но они сумели собраться и, проявив волевые качества, успешно завершили учебу.

Было принято решение Любу и еще нескольких радистов включить в состав диверсионно-разведывательных групп, которые в случае отхода наших частей должны остаться в оккупированном Ворошиловграде.

С учетом этого после окончания школы до июля с Шевцовой поддерживали связь сотрудники второго отдела четвертого управления НКВД УССР, которые отрабатывали ей легенду и линию поведения в тылу противника и проводили дополнительные тренировки в работе на радиостанции.

К тому времени обстановка на фронте резко осложнилась. 8 июля, захватив Кадиевский, Сватовский, Кременский, Троицкий и другие районы Ворошиловградской области, немецкие войска подошли к областному центру. Перед чекистами стояла задача в кратчайший срок завершить работу по формированию и подготовке разведывательно-диверсионных групп, в том числе той, в которую входила Л. Шевцова. Оценивая ее готовность к выполнению задания, начальник подразделения НКВД лейтенант госбезопасности Богомолов писал 9 июля 1942 года: «Григорьева» — Шевцова Любовь Григорьевна окончила курсы радистов в школе НКВД УССР с оценкой «хорошо». Обладает всеми необходимыми качествами для работы в тылу, а именно: сообразительна, находчива, способна выйти из затруднительного положения.

Может быть зачислена в группу «Кузьмина» (условное название группы — «Буря») для оставления в г. Ворошиловграде».

И вот 11 июля 1942 года подготовка «Бури» завершилась. Резиденту «Кузьмину» были переданы на связь агенты «Авдеев», «Акулова», «Демидов» и «Никитин», содержатель конспиративной квартиры «Чеботарев» и радистка «Григорьева». Под расписку он ознакомился с письменным заданием, утвержденным заместителем начальника Четвертого управления НКВД майором Решетовым. В нем говорилось: «Для поддержания связи с центром Вам придается коротковолновая радиостанция и радист «Григорьева» — т. Шевцова Л. Г., которая нами дополнительно проинструктирована. Станция будет установлена на квартире «Чеботарева». Все добытые Вами материалы, интересующие нас, и о проделанной работе будете передавать по рации. Перед группой ставится задача вести разведывательную работу в г. Ворошиловграде и прилегающих районах, а именно: 1) информировать нас о политико-экономических мероприятиях, проводимых оккупационными войсками, установленном в городе и районах режиме; 2) выявлять и по возможности уничтожать предателей и изменников Родины; 3) устанавливать места дислокации гестапо, полиции, баз, складов, аэродромов, воинских частей и их штабов и направление их перемещения; 4) добывать данные о политико-моральном состоянии войск, их вооружении и национальном составе».

Шевцова оставалась в городе под своими установочными данными, имея на руках подлинные документы. Через паспортный стол ей оформили прописку на квартире у «Кузьмина» как его племяннице, отработали соответствующую легенду.

Бои уже шли непосредственно у Ворошиловграда. Завершилась эвакуация предприятий и учреждений. Последние воинские части покидали город.

Ночью недалеко от дома «Чеботарева» остановился легковой автомобиль. Из него вышли «Кузьмин» и оперативный работник УНКВД. Как было условлено с содержателем конспиративной квартиры, они внесли и спрятали в сарае, расположенном во дворе его дома, завернутые в бумагу чемоданчик и несколько пакетов. В них находились радиостанция, два комплекта питания к ней и шифры.

Через год, восстанавливая события тех дней, «Кузьмин» расскажет чекистам: «На следующий день, 16 июля 1942 года, я вместе с радисткой Любой вечером зашел к «Чеботареву», с тем чтобы провести осмотр и установить рацию. Однако последний категорически заявил, чтобы мы рацию от него забрали, так как он хранить ее боится. В силу его настойчивых требований я рацию забрал к себе домой. Вместе с Любой мы спрятали ее в печь, сделав для этого специальное гнездо».

17 июля в город вошли немцы. Началась семимесячная оккупация, ставшая для многих жителей города и членов группы «Буря» серьезным испытанием на стойкость.

Спустя неделю после вступления немцев в Ворошиловград, соблюдая установки, данные ей чекистами, «Григорьева» стара-

лась наладить связь с главрацией, дислоцирующейся в городе Борисоглебске Воронежской области. Ежедневно в 5 часов 30 минут и 23 часа 45 минут по московскому времени она прослушивала эфир и под позывным «314» пыталась связаться с центром, передать добытую разведывательную информацию. Но ее усилия были тщетны. Главрация ее не слышала и на вызов не отвечала. Так продолжалось примерно до 10 августа.

Сейчас можно предположить, что, видимо, мощности оставленной ей портативной коротковолновой станции не хватило, чтобы «дотянуться» до города Борисоглебска, от которого до Ворошиловграда по прямой более 360 километров.

Понимая, что без связи с центром работа группы теряет всякий смысл, «Кузьмин» принимает решение направить через фронт в качестве связника агента «Авдеева», а «Григорьевой», чтобы не рисковать, предлагает на время покинуть Ворошиловград и отправиться к родственникам в Краснодар.

Мать Шевцовой, Ефросинья Мироновна, в мае 1943 года вспоминала: «Люба пришла домой примерно 13 августа. Принесла чемодан с личными вещами. Я спросила ее: «Ты совсем домой пришла?» Она ответила: «Да, пока совсем». А спустя полторы недели после этого она пошла в Ворошиловград и через три дня возвратилась обратно (примерно 25—27 августа 1942 года)».

Тем временем, ссылаясь на плохое состояние здоровья, «Авдеев» отказался выполнить приказ резидента. В такой ситуации «Кузьмин» обязан был направить через линию фронта в качестве курьера «Акулову» или в крайнем случае радистку «Григорьеву». Однако он этого не сделал. В сложившейся обстановке «Кузьмин» проявил малодушие: уничтожил радиостанцию и 19 августа покинул город. Поэтому, возвратившись из Краснодона в Ворошиловград, Люба его там уже не нашла. Она осталась без связи, так как разведчики из состава резидентуры по условиям конспирации не знали друг друга.

После освобождения Ворошиловграда, объясняясь в июне 1943 года по этому поводу с сотрудниками УНКВД, «Кузьмин» заявил: «Придя к выводу, что в городе оставаться небезопасно, я решил разбить радиостанцию и выехать из города. Питание и другие принадлежности к ней я сжег, а рацию бросил в уборную. Шифры и коды зарыл у себя во дворе. Вместе с женой я выехал в село Закотное Новопокровского района Ворошиловградской области, где и проживал до освобождения этого района Советской Армией. После отъезда из города я Любу не видел и восстановить с ней связь не пытался».

Через некоторое время после бегства «Кузьмина» из города Люба дважды приходила на оставленную им квартиру и в беседах с престарелыми родственницами резидента интересовалась местом его пребывания. Однако, зная адрес «Кузьмина», старушки молчали. В один из приездов, 25 или 27 августа 1942 года, Шевцова оставила для своего руководителя письмо, в котором писала: «Я была у вас, но вас дома нет. Что, у вас плохое положение? Но все должно быть так, как положено: цело и сохранено. Если

будет плохо вам жить, то попытайтесь пробраться ко мне, у нас насчет харчей гораздо лучше. Может быть, я должна скоро быть здесь, пока не договорюсь, как быть. А до моего возвращения ничего не делайте. Я, может быть, увезу или унесу по одиночке все свое приданое. Если ко мне приедете, то мой адрес: г. Краснодар, улица Чкалова, дом 27, Шевцова Л.»

Из содержания письма видно, что Люба просила при всех обстоятельствах сохранить радиостанцию, которую намеревалась по частям перевезти в Краснодар, куда она также приглашала и старшего группы, намекая на благоприятные условия для разведывательной работы.

Мать Шевцовой вспоминала позднее: «Каждый месяц раза четыре Люба ходила в город Ворошиловград, где находилась несколько дней и возвращалась обратно. Из дома она уходила одна и возвращалась тоже одна. Свои поездки объясняла тем, что едет за солью, а то просто говорила, что едет перепрятываться от немцев, чтобы не отправили в Германию».

Последний раз Шевцова приезжала к «Кузьмину» в ноябре 1942 года, после чего, потеряв, видимо, всякую надежду встретиться с ним, больше на его квартире не появлялась.

Центр, обеспокоенный длительным молчанием группы, усиливает контроль за эфиром. С 10 августа 1942 года радисты ежедневно в установленное для сеансов связи время слушают ее позывные. Рация «Бури» молчит, хотя со дня оставления группы в тылу уже прошло три с половиной месяца. Не прибыл и курьер, которого «Кузьмин» в случае потери связи обязан был направить через линию фронта. В этой ситуации руководство четвертого управления НКВД УССР принимает решение о подготовке к заброске в тыл опытного агента-связника «Михайлова». Перед ним ставится задача восстановить связь с резидентом, получить от него отчет о проделанной работе, передать питание к рации и указания о дальнейших действиях.

В ночь на 29 октября много повидавший на своем веку «дуглас» благополучно пересек линию фронта, и «Михайлов» был выброшен на парашюте в 35 километрах восточнее города Ворошиловграда, на территории Новосветловского района. При себе он имел два комплекта питания к радиостанции. На выполнение задания отводилось тридцать суток.

Ни в Ворошиловграде, ни на запасных пунктах связи (в селах Ионовка и Успенка), куда в случае угрозы провала должен был переехать «Кузьмин», связник его не нашел. В декабре 1942 года, действуя по запасному варианту, «Михайлов» разыскал в Ворошиловграде члена группы «Буря» разведчика «Демидова» и установил с ним связь. Пробыв у него три дня и предприняв последнюю попытку установить с его помощью «Кузьмина», агент-связник ушел в сторону линии фронта.

За Любой, как и за другими нашими разведчиками, охотилась агентура передового поста контрразведки «Мельдекопф-Тан», входившего в состав штаба «Валли-3» из ведомства адмирала Карнуса.

Арестовали же Любу на квартире ее матери в Краснодоне 1 января 1943 года не как советскую разведчицу, а как члена штаба комсомольской подпольной организации «Молодая гвардия». Ефросинья Мироновна Шевцова вспоминала: «1 января к нам на квартиру пришел полицейский вместе с чернявым, круглолицым, полным, среднего роста мужчиной 35 лет... Любы дома не было. Тогда забрали меня и повели по улице, где встретили Любу. Меня отпустили, а ее увели. Через 2 часа ее привел домой полицейский Лукьянов. Она переделалась, взяла документы, продукты, сумку и сказала, что ее отправляют в Ворошиловград. Когда Люба в ванной переодевалась, полицейский сидел в комнате, я вышла к ней и она мне сказала, чтобы все бумаги, которые лежат в ее чемодане, я сожгла, что я и сделала после их ухода. На следующий день после ареста дочери полиция на квартире сделала обыск, но ничего не обнаружила. На третий день я узнала, что Любу содержат в полиции г. Краснодона».

Дальнейшая судьба Героя Советского Союза Любови Григорьевны Шевцовой известна из романа А. Фадеева «Молодая гвардия» и многих публикаций в прессе.

«Буря» задания не выполнила и на связь не вышла. Причина случившегося — прежде всего в ошибках, допущенных чекистами в подборе кандидатуры резидента, который в сложной обстановке проявил малодушие, отказался от выполнения задания и оставил переданную ему на связь агентуру без руководства.

Говоря же о действиях Любови Шевцовой, нельзя не восхищаться стойкостью и мужеством юной патриотки, до конца выполнившей свой долг перед партией и народом.

Получив в спецшколе органов государственной безопасности хорошую закалку, навыки работы в подполье и высокий душевный заряд энергии, она пронесла их до самой последней минуты и осталась до конца верной чекистской присяге.

КОНТРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ РАБОТА: ОПЫТ ПРОШЛОГО И ПРАКТИКА ПЕРЕСТРОЙКИ

СПАСИБО ВАМ, АННА ВЛАДИМИРОВНА!

Очерк о разоблачении ценного агента ЦРУ США

Полковник И. КОТОВ,
подполковник В. СИЛИН

В конце 1985 года в центральной советской прессе под рубрикой «В Комитете госбезопасности СССР» появилось сообщение о том, что в Москве при проведении шпионской акции с поличным задержан второй секретарь посольства США Пол Стомбаух, который за противоправные действия объявлен персона нон грата и выдворен из Советского Союза. Несколько позднее под той же рубрикой сообщалось, что Комитетом госбезопасности СССР разоблачен и арестован агент американской разведки А. Г. Толкачев, сотрудник одного из московских НИИ.

А-АДИК! — резкий голос жены оторвал его от тягостных мыслей. Он поморщился, но продолжал молча сидеть, наблюдая за бегущими по сухим дровам языками пламени. Захолодавшая за зиму печка долго не хотела разгораться, дымила, гасла несколько раз, пока не прогрели дымоход старыми газетами. Комната не согрелась, но наполнилась дымом, пришлось открыть настежь окна и двери. Сейчас, наконец, дрова взялись, загудели, можно было закрывать дверцу, но он не мог оторвать взгляда от огня.

— Адольф! — снова раздался крик жены. — Где ты там? Время-то уходит!

«Время — деньги», — подумал Толкачев и крикнул в ответ:

— Что у тебя, горит, что ли?

— Конечно, горит. Если сегодня не посадим картошку, то выберемся сюда только через неделю, тогда уже может быть поздно.

— Боже мой, о чем она говорит? Ведь я могу, — он сделал в уме несложный расчет, — купить столько картошки, что ею можно будет накормить всю Москву.

— Ну, скоро ты там? — снова закричала жена.

— Отвяжись! — заорал он в ответ и тихо добавил: — Горит там у нее. Вот у меня действительно горит.

Он открыл стоящую у ног сумку, достал оттуда пачку денег в банковской упаковке и, злорадно подумав «Пусть и ей не достанутся!», швырнул деньги в печь. Огонь облизал пачку, но, плотно спеленутая, она не загоралась. Только самые углы начали темнеть. Потом лопнула стягивающая деньги бумажка. Купюры нехотя, по одной медленно занимались с боков, скручивались, вспыхивали и исчезали в пламени, но в целом пачка все еще держалась, и он даже забеспокоился, что войдет жена и увидит. Взял кочергу и пошуровал ею.

Достал вторую пачку, третью, четвертую и швырнул их в огонь. Молча смотрел, как горели деньги, его деньги, и одна мысль сверлила голову: «Пусть и ей не достанутся!»

Потом вышел в огород. Жена подняла голову, посмотрела снизу вверх.

— Явился, не запылится. Помог бы раньше, может, и в город успели бы. Люди сегодня День Победы празднуют, а мы до ночи будем в грязи копаться.

— Охота тебе?

— Что значит охота. На рынке картошка сейчас по восемьдесят копеек, а то и по рублю. А соберем мешка четыре — до будущей весны хватит.

— Хватит, хватит, — поддакнул он, а сам подумал: «А доживу ли я до будущей весны?» Откуда-то из памяти всплыли слова: «Не для меня придет весна...»

«Эх, как певали когда-то в День Победы. Со стариками, с друзьями. Где они все? Где я? Что со мной? А может обойдется? — спасительная мыслишка услужливо выскочила откуда-то. — Может быть, не так все страшно? Ложная тревога, и я себя напрасно мучаю».

Он опустил на корточки, помогая жене сажать порезанные на три-четыре части клубни. Жена что-то бормотала, но он не слышал и не слушал ее, занятый своими мыслями.

«...Да и что, собственно говоря, случилось? Начальник лаборатории сухо говорил со мной? Но он и с другими не очень любезен. Начальник первого отдела прошел, не поздоровался? Да он уже целую неделю хмурый ходит. Новый вахтер слишком придирчиво проверяет пропуска? На то он и новый. Новая метла. Внеочередная проверка секретного делопроизводства? Помнится, года четыре назад такая же была...»

В КАБИНЕТЕ руководителя одного из управлений Комитета государственной безопасности шло совещание.

Докладывал подполковник Вячин:

— Анализ открытых американских публикаций, а также некоторых закрытых изданий, поступивших к нам, свидетельствует о том, что в США стало известно о направлениях научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, затрагивающих вопросы радиоэлектронной оснащённости современных советских боевых самолетов. В этих документах приводятся некоторые тактико-технические характеристики их радиоэлектронного оборудо-

вания и вооружения. Это показывает, что их авторы хорошо осведомлены о ведущихся в СССР закрытых работах по указанной тематике. Кроме того, в докладе одного из крупных военных специалистов Пентагона в области авиации дана оценка перспектив развития радиоэлектронных систем военной авиации СССР и предлагается программа соответствующей модернизации истребителей США.

— Ваши выводы и предложения? — спросил начальник управления.

— Значительный объем информации американцы могли получить посредством ведущегося с территориями сопредельных стран контроля за электромагнитным излучением, космической разведки, перехвата служебных переговоров по радиорелейным линиям связи. Однако согласно проведенному исследованию некоторые тактико-технические характеристики последних модификаций истребителей-перехватчиков и особенно данные о тенденции их развития не могли быть получены техническими средствами разведки...

— И следовательно...

— Следовательно, с высокой степенью вероятности можно сделать вывод, что утечка таких сведений могла произойти только через конкретное лицо...

— И наша задача — во что бы то ни стало найти его, — подвел итог начальник управления.

Перед сотрудниками госбезопасности, вошедшими в состав оперативной группы, стояла непростая задача. В создании сложных систем вооружения участвуют сотни смежных предприятий, тысячи людей. Как найти среди них того, кто встал на путь предательства?

Некоторые известные американцам данные касались устройств, не только не поступивших на вооружение, но и не выпускающихся пока заводами серийно. Это привело чекистов в несколько крупных научно-производственных объединений, где разрабатывалась новейшая радиоэлектронная аппаратура, предназначенная для оснащения боевых самолетов, определялись тенденции и идеи развития радиоэлектронного вооружения, проводились испытания и отработка новейшей техники, а также на некоторые заводы-изготовители. Особое внимание чекистов привлек один из московских НИИ, который приобрел печальную славу тем, что последние две комплексные проверки состояния режима секретности выявили здесь существенные недостатки в обеспечении сохранности документов и сведений, составляющих государственную тайну. Но ведь в НИИ сотни специалистов. Вот они, улыбающиеся и грустные, разговорчивые и молчаливые, спешат в стеклянные двери проходной. Кто из них? И можно ли подозревать каждого?

Тут-то и «заработали» режимные ограничения, которыми часто недовольны многие из нас.

...В канцелярской тиши первого отдела молодой человек внимательно изучает, кто получал документы, содержащие «ушедшие» сведения. Не мог предатель не оставить следов. Круг сужается. Но это еще десятки людей.

Появление необычного гостя в женском коллективе первого отдела хотя и небольшое, но событие. При нем не посудачишь про отношения с зятем, про женские покупки. Но гость оказался весьма покладистым. Говорил немного, но добродушно, с улыбкой. Не забыл про комплименты. Принес пирожные к чаю. Оказывается, он просто изучает практику организации делопроизводства, хочет написать научную статью. Уже на другой день гость был в отделе своим.

Лестно было Анне Владимировне, старшей сотруднице отдела, давать «товарищу из органов» консультации, показать свои знания и опыт. Понравился он внимательностью и прилежностью. Однажды вечером и поделилась Анна Владимировна с гостем своими сомнениями.

КАК ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ, что психически нормальный, находящийся в здравом уме и твердой памяти человек стал жечь деньги?

Впоследствии, уже будучи арестованным, Толкачев на первом же допросе дал подробные показания о своей шпионской деятельности. Вот что он рассказал:

«Мысль о возможности установления связи с сотрудниками американской разведки и передачи им за соответствующее вознаграждение секретной информации, которой я располагал по роду своей работы в НИИ радиостроения, появилась у меня несколько лет назад. Я продумал способ установления первоначального контакта с каким-нибудь сотрудником американского посольства, который, как я считал, затем свяжет меня с ЦРУ.

В начале января я подготовил письмо-обращение к сотруднику американского посольства, которое намеревался вручить при первой же возможности. В письме я просил о встрече, указал день, время, место и условный сигнал в качестве своей приметы — перчатку в левой руке. Это письмо я отдал мужчине, сидевшему за рулем автомашины «Жигули» с номерным знаком, начинавшимся на «Д 004», которая подъехала к бензоколонке на улице Красина. По моим наблюдениям, машина принадлежала посольству США в Москве. Однако в назначенные мною место и время на встречу никто не пришел.

В феврале того же года я предпринял вторую попытку связаться с американцами. Подготовил новое письмо. Чтобы заинтересовать американскую разведку, сообщил, что располагаю информацией, представляющей для них интерес. В течение двух-трех недель я периодически появлялся в районе посольства США в Большом Девятинском переулке, подыскивая возможность для передачи письма сотруднику посольства. В один из дней я увидел ту же машину, подошел к ней и положил письмо на колени мужчине, когда тот сел в автомашину. Сигналом готовности американцев встретиться со мной должна была быть постанова автомашины с дипломатическим номером возле магазина «Консервы» в Спасопесковском переулке. В обусловленное время машина там стояла, однако на встречу со мной опять никто не вышел.

Я решил, что американцев необходимо как-то заинтересовать: написал, что работаю в НИИ, который занимается разработкой радиолокационных станций для самолетов-перехватчиков, и указал некоторые параметры этих РЛС...»

Несколько дней спустя Толкачеву позвонил незнакомый мужчина и на хорошем, может быть, слишком хорошем русском языке предложил:

— Через 10—15 минут, пожалуйста, выйдите из дома и заберите материалы, которые находятся в старой рукавице, спрятанной за будкой телефона-автомата у магазина «Башмачок» в Трехгорном переулке.

Толкачев тут же поспешил к будке и взял рукавицу. В ней находились двадцать листов с цифровыми группами (коды), шифровальные таблицы, два конверта с адресами получателя и написанными на английском языке письмами, два листа тайнописной копирки, инструкция в виде небольшой книжечки с мелким шрифтом на русском языке (по составлению тайнописных сообщений, зашифровке текста, отправке сообщения в разведцентр, уничтожению полученных материалов); небольшой лист бумаги с вопросами (по тематике института, о параметрах РЛС), 500 рублей.

Так началось сотрудничество Толкачева с американской разведкой. Работу с ним вели сотрудники ЦРУ, находившиеся в Москве под прикрытием посольства США и специально приезжавшие в Москву.

НА ПЛОЩАДИ у Киевского вокзала, как обычно, было многолюдно. Отъезжающие дачники, глянув на расписание движения пригородных поездов, спешили занять места у серых от пыли и пожелтевших от времени окон электричек. И, вероятно, никто из многих тысяч отъезжающих и возвращающихся не обратил внимания на немолодого седовласого гражданина с непримечательной наружностью в сером, давно не глаженном костюме.

Купив в киоске газету, он подошел к остановке только что отошедшего троллейбуса, спокойно посмотрел ему вслед и пробежал заголовки первой страницы. Затем взглянул на часы, поправил что-то в боковом кармане пиджака, не спеша прочитал сводку погоды и, не дождавшись троллейбуса, направился в метро.

Даже человек, обладающий острым аналитическим умом, вряд ли связал бы воедино гражданина с непримечательной наружностью и американское посольство, находящееся от него по прямой на расстоянии около двух километров.

Но случайного совпадения здесь не было: только что Толкачев провел сеанс связи со своими хозяевами с помощью специальной аппаратуры для моментального «выстреливания» в эфир шпионских сообщений.

В переданный Толкачеву прибор им вводилась открытая, без зашифровки, информация на русском языке. В самом приборе она автоматически зашифровывалась и передавалась в эфир за доли секунды. Принимаемые прибором указания разведки автоматически расшифровывались и считывались Толкачевым с табло на

русском языке. Для проведения такого сеанса связи в посольстве США имелась приемопередающая аппаратура. Но нервов у Толкачева хватило не надолго. Опасаясь иметь при себе явную улику, он вскоре уничтожил прибор.

Другое же шпионское снаряжение, по его мнению, менее опасное, в том числе фотоаппарат «Пентакс», несколько мини-фотоаппаратов, радиоприемник «Панасоник» специальной конструкции, люксметр, магнитный контейнер, он продолжал хранить.

Ряд приспособлений для своей шпионской деятельности Толкачев изготовил сам (репродукционная установка, кольца и спицы для автоматической установки дистанции при фотографировании документов, специально разграфленный листок бумаги как приспособление для репродукционной съемки).

Одна из основных проблем любой разведки — это способы передачи и приема информации. Они должны быть надежными и неуязвимыми для контрразведки противника. От радиосвязи Толкачев отказался и от тайников тоже — он насмотрелся фильмов, где шпионов ловят при «обработке» тайников.

Оставались личные встречи с сотрудниками резидентуры, тем более что так Толкачев мог не только передать информацию и получить деньги, технические средства, инструкции и рекомендации, но и пообщаться с хозяевами, услышать в свой адрес похвалы, на которые они не скупились.

Встречи проводились очередные и внеочередные. В переданных Толкачеву инструкциях под условными наименованиями указывались места, где должны были проходить конспиративные встречи с американскими разведчиками, маршруты подхода, время ожидания на месте, характерные особенности внешности для опознания разведчика.

Как следует из обнаруженного у Толкачева графика, на период с февраля 1985 по январь 1987 года предусматривалась возможность ежемесячных встреч. Дни их проведения располагались в определенной последовательности. За каждым из намеченных дней независимо от месяца закреплялось одно место явки и постоянное время. Конкретный месяц очередной встречи оговаривался между Толкачевым и американским разведчиком на предыдущей явке.

Сигналом готовности Толкачева выйти на очередную встречу являлся сначала зажженный в определенное время свет в одной из комнат его квартиры, а позднее — открытая форточка одного из окон квартиры в обусловленное время. Пароль для встреч состоял из фраз: «Вам привет от Кати» — сотрудник разведки; «Передайте привет от Николая» — ответ Толкачева. Вещественный пароль — агент держит в левой руке книгу в белой обложке.

При экстренном вызове Толкачева на внеочередную встречу американцы звонили ему на квартиру. На фразу разведчика «Позовите, пожалуйста, Ольгу» надлежало ответить: «Вы ошиблись, у нас таких нет», что означало его готовность через час быть на месте встречи. Ответ «Вы не туда попали» свидетельствовал об отсутствии у Толкачева такой возможности.

В случае возникновения у агента необходимости в экстренной встрече с сотрудником американской разведки ему надо было в одном из определенных мест поставить условную метку мелом, а затем убедиться в готовности американцев к этой встрече, о чем должен свидетельствовать зажженный в обусловленное время свет в известных шпиону окнах здания посольства США.

Предусматривались и другие способы.

В ОДИН ИЗ ИЮньСКИХ ДНЕЙ в центре Москвы около старого дома с вывеской «Овощи — фрукты» остановилась блестящая, с дымчатыми стеклами автомашина с дипломатическим номером. Из автомобиля вышла строго одетая молодая женщина. Несколько поколебавшись, она перешагнула через лужу, стараясь не замочить элегантные туфли, и вошла в неказистый магазин, осмотрела полки, которые не были богаты деликатесами, и с отрешенным видом встала в довольно большую очередь. Через 25 минут она вернулась в автомобиль с полиэтиленовым пакетом, в котором было два килограмма яблок сорта «голдэн», а еще через минуту машина укатила.

Из инструкции Толкачеву *:

«От нас к Вам:

Чтобы просигнализировать Вам наше желание иметь внеочередную встречу, мы поставим нашу машину на сигнальном месте «Овощи» в первый понедельник месяца между 12.00 и 12.15. В этот день Вы должны не ехать, а пройти по правой стороне улицы Красина от Грузинской Большой до Садового кольца. Рассчитывайте время таким образом, чтобы пройти мимо магазина «Овощи — фрукты», находящегося в доме № 7 по улице Красина, между 12.00 и 12.15. Наша машина с номерным знаком Д 004 (белые цифры на красном поле) будет стоять у тротуара с правой стороны прямо перед магазином «Овощи — фрукты» (или как можно ближе к нему). Чтобы легче было опознать нашу машину, на заднем щитке будет лежать открытая карта. Не останавливайтесь во время поисков нашей машины и не старайтесь привлечь к себе внимание. Если увидите нашу машину, не заходите в магазины в этом районе, а продолжайте идти к Садовому кольцу и оттуда к себе домой.

От Вас к нам:

В тех случаях, когда Вы не сможете указать нам Вашу готовность к встрече сигналом «Форточка», мы будем искать Вашу машину на сигнальном месте «Овощи». Между 12.45 и 13.00 поставьте Вашу машину у тротуара с правой стороны, прямо перед магазином «Овощи — фрукты» (или как можно ближе к нему). Не оставайтесь в машине в течение этого времени, а зайдите в этот магазин или походите по другим магазинам в этом районе».

* В цитируемых документах американской разведки сохраняются стиль и орфография подлинника.

На встречу с Толкачевым сотрудник резидентуры ЦРУ выходил один, беседа велась на улице или в автомашине агента в течение 15—20 минут. Как правило, разговор с Толкачевым разведчик записывал на диктофон.

Много внимания американцы уделяли его идеологической обработке, укреплению уверенности в «правильности» принятого им решения о сотрудничестве с американской разведкой. Практически на каждой встрече он получал книги и брошюры антисоветского содержания. В частности, при задержании у Стомбауха были изъяты предназначавшиеся Толкачеву книги антисоветского характера, закамуфлированные под технические труды. На обложке одной из них значилось «Основы звукового вещания», на другой — «Справочник по электрическим устройствам».

По этому поводу Толкачев показал:

«Как правило, американцы присылали мне книги и брошюры в качестве новогодних подарков... Я полагаю, что американская разведка направляла мне эти книги для моей идеологической обработки, пытаюсь вызвать у меня антисоветские настроения. Мне это было непонятно, так как я сам обратился к ним с предложением о сотрудничестве и передачей ряда секретных документов привязал себя к ним, еще какая-то обработка была излишней. Полагаю, что в данном случае действовал определенный стереотип, выработавшийся у американских спецслужб по работе с другими, такими же как я, людьми».

Американцы в инструктивных письмах не жалели хвалебных слов, всячески подогревали его амбиции, самолюбие, постоянно подчеркивали значимость «его работы», благодарили от имени «высшего уровня правительства».

Из письма американской разведки Толкачеву:

«Еще раз благодарим Вас за ценную информацию, переданную нам при последней встрече. Ваше фотографирование мини-аппаратами продолжает быть отличным. Хотим лишь напомнить о необходимости... спускать затвор до самого конца...»

Мы по-прежнему испытываем облегчение по поводу того, что режимное положение в Вашем институте, по-видимому, установилось, однако почтительно просим Вас даже при таких обстоятельствах не поддаваться ложному чувству безопасности. Просим Вас продолжать работать медленно и с большой осторожностью... Как и прежде, просим Вас не делать выписок на работе и не стараться выносить документы из Вашего института для фотографирования на дому... Просим Вас фотографировать на работе лишь при абсолютно безопасных условиях... Вы должны твердо усвоить, что передаваемая Вами информация, попросту говоря, считается бесценной. Ее значимость была доведена до внимания высших уровней нашего правительства. Повсеместно оберегая Вашу личную безопасность, Ваши заслуги были признаны не только теми, кто понимает техническую ценность Вашей работы, но также и теми, кто ответствен за определение курса нашей государственной

безопасности. Потеря такой информации явилась бы тяжелым ударом для нашего правительства и серьезно отразилась бы на нашем государственном положении как сейчас, так и многие годы спустя. Именно ввиду бесценности Вашей информации мы и стараемся... уменьшить риск по сбору ее... Вы сами сказали, что режимные условия в Вашем институте остаются неослабными. В наших глазах риск, заключающийся в одновременном добывании документов из первого отдела и задержании при себе пропуска на выход из института, слишком громаден. Кроме того, сотрудники первого отдела... могут в любое время возобновить свои обыски и обнаружить отсутствие документов в Вашем рабочем столе. Такой риск, поставленный рядом с возможностью Вас потерять, просто для нас неприемлем».

Далее в письме даются конкретные рекомендации и ставятся вопросы, связанные с безопасностью работы агента: покидает ли он здание, где находится лаборатория, каким образом прячет документы при их выносе, какой контроль проходит и т. д. Особое внимание обращается на то, как лучше обойти режимные правила, действующие в институте.

НА РЕЖИМНОМ ОБЪЕКТЕ шла обычная жизнь, и, сидя за бумагами в первом отделе, Сергей — так звали приятного молодого человека «из органов» — невольно слышал обрывки фраз: «Мария Петровна, мне, пожалуйста, эти номера... — Машенька, срочно... — У Вас карточка кончилась, надо новую завести... — Тогда мне, пожалуйста... — А где ваш пропуск? — Да я во второй библиотеке под пропуск тоже взял литературу, так что мне уж под расписку, пожалуйста... — Не положено, нужен пропуск... — Ну вот, бюрократию развели, я же не для себя, для дела...» (До чего же справедливо мы ругаем бюрократию и бюрократов, но как часто называем бюрократами тех, кто вполне законно требует соблюдения установленного порядка, в том числе правил пользования секретными документами.)

Сергей был грешен — покуривал — и иногда выходил на лестничную площадку, где тоже становился свидетелем бесед между сотрудниками.

— Слышали, Ферাপотову тему зарубили, говорят, тупиковая, а они полтора года над ней работали...

— А вот чего у нас нет и еще лет пять не будет, так это...

— Сазонов-то молодец, нашел-таки решение, над которым все бились, и, знаешь, такое простое, даже американцы не додумались. Он взял... — далее шли такие подробности, каким могла позавидовать любая разведка.

Это был еще один путь, не исключаящий утечки совершенно секретной информации.

Из официального документа:

«Проведение Толкачевым шпионской деятельности по сбору информации о ведущихся в НИИ радиостроения работах стало возможным вследствие крайнего неблагополучия состояния про-

водимой в институте работы по обеспечению сохранности государственных секретов, а в ряде случаев и грубых нарушений режимных требований со стороны сотрудников режимно-секретного органа предприятия. Руководство института не уделяло этим вопросам должного внимания и не принимало эффективных мер по устранению выявленных недостатков в защите секретов и созданию действенной разрешительной системы».

В ходе следствия Толкачев рассказал, каким образом он собирал совершенно секретные и секретные материалы и передавал их американской разведке:

«В НИИ радиостроения имеются два филиала первого отдела, находящиеся в разных корпусах. Я обращался в филиал № 2 или в библиотеку спецфонда института и получал какой-либо документ, оставляя взамен пропуск. Затем я обращался в филиал № 1 и просил выдать мне необходимые материалы без пропуска, поясняя, что пропуск оставил в филиале № 2... Доверяя мне, инспектора филиала № 1 шли навстречу и под расписку выдавали материалы. После этого я вторично шел в филиал № 2 или в библиотеку, возвращал ненужные документы и получал пропуск. Спрятав под одеждой совершенно секретные материалы, полученные в филиале № 1, я через проходную выносил их домой и фотографировал. Таким способом пользовался примерно 20 раз».

Толкачев использовал любые бреши в работе режимных органов института. Он заметил, что проверка документов в спецчемоданах при их сдаче в конце дня не проводится, а это позволяет хранить их по нескольку дней и вообще распоряжаться по собственному усмотрению.

Он прибегал к различным уловкам при заполнении «Разрешений» на выдачу секретных документов: оставлял скобки незакрытыми, а затем после подписи должностного лица вписывал нужные документы и закрывал скобки.

Обманным путем Толкачев получил чистый бланк «Разрешения», заполнил его лицевую сторону, внес туда лишь небольшую часть инвентарных номеров документов, с которыми ранее знакомился в первом отделе, и на очередной встрече передал американскому разведчику карточку, фотоснимки подлинного «Разрешения» и описание цвета чернил подписей должностных лиц для их подделки на новом бланке. Таким образом дважды заменялись карточки-разрешения. Именно вторая, поддельная, карточка своей нелогичностью привлекла внимание оперативного работника.

По поводу своих манипуляций с карточкой-разрешением Толкачев на следствии показал:

«Полагаю, что строгий учет бланков «Разрешений» и подписи должностных лиц за каждый разрешенный ими к ознакомлению документ исключили бы возможность подобных подделок».

Толкачев занимался не только фотографированием документов.

Из показаний Толкачева:

«Я составлял для американской разведки и письменные сообщения. В них я излагал свои подробные пояснения по сфотографированным документам: мои размышления, выводы, основанные не только на конкретных документах, но и на материалах смежных разработок, направлений исследований, текущих и перспективных планах, которые я узнавал на собраниях, заседаниях, из деловой переписки. Определенную информацию можно было узнать даже из плакатов. Например, вывешивался плакат с поздравлениями парткома и дирекции сотрудникам института с успешным завершением работ по заказу такому-то или с успешным проведением испытаний по такому-то изделию. Что за заказ или изделие, знали практически все ведущие сотрудники, а если нет, то узнать это было нетрудно и несложно».

В ряде случаев Толкачев обращался с просьбой к другим сотрудникам получить в первом отделе тот или иной документ и переписать из него в рабочую тетрадь сведения, которые затем он использовал при составлении письменных сообщений для американцев.

Часть документов Толкачев сфотографировал в туалетной комнате института.

Пользуясь бесконтрольностью в работе с документами командированных лиц, Толкачев в период нахождения в НИИ приборостроения в городе Жуковском получил от его сотрудников важный документ и, закрывшись в обеденный перерыв в одной из комнат предприятия, сфотографировал его аппаратом «Пентакс», который скрытно пронес с собой на объект.

«Рабочее место» для съемки совершенно секретных материалов Толкачев устроил и у себя дома — из чертежных досок, деревянных брусков и полученной от американцев струбцины со сферическим шарниром, с помощью которой крепил фотоаппарат «Пентакс».

Конечно, отталкиваясь только от документов и их анализа, сотрудники КГБ тоже достигли бы цели и изобличили шпиона. Но на это ушло бы значительно больше времени и труда. Помощь людей, обыкновенных советских людей, была в этом деле, как и во множестве других, поистине огромной и своевременной.

В конце апреля 1985 года в беседе по вопросу организации выдачи документов исполнителям сотрудница первого отдела НИИ радиостроения Анна Владимировна сообщила оперативному работнику о допущенных отдельными исполнителями нарушениях установленного порядка получения и обращения с секретными документами. В их числе она назвала ведущего конструктора одного из отделов Толкачева, которому, учитывая его исполнительность и продолжительный период работы на предприятии, ее коллеги делали снисхождение.

— Я неоднократно становилась свидетелем, когда Толкачеву по его просьбе выдавали под расписку совершенно секретные до-

кументы в нарушение существующего порядка о выдаче их под пропуск. В каждом таком случае Толкачев объяснял отсутствие пропуска тем, что он его уже оставил в технической библиотеке или филиале, где взял нужные ему материалы. Однажды я видела, как Толкачев, получив перед обеденным перерывом под расписку документ и не возвратив его, выходил за пределы предприятия.

Позднее, когда Анна Владимировна вышла в обед на улицу, ей показалось, что она увидела там отъезжавшего на своей автомашине Толкачева. Возвратившись в отдел, она проверила наличие документа, который взял Толкачев, но его на месте не оказалось. Если Толкачев выходил из НИИ, он должен был вернуть документы в библиотеку и в отдел технической документации. Она решила, что на улице обозналась, но теперь сочла необходимым сказать об этом оперработнику.

Сообщение Анны Владимировны, безусловно, заслуживало самого серьезного внимания. Оно особенно настораживало в связи с последней проверкой порядка обращения с документами в подразделении, где работает Толкачев, в результате которой было установлено, что в его карточке-разрешении выдачи документов отмечено значительно меньше технических материалов, чем ему выдавалось в действительности. На основании этого можно было предположить, что Толкачев производит манипуляции с пропуском и карточкой-разрешением. Учитывая, что Толкачев имел отношение к разработке радиоэлектронных систем, о которых шла речь в зарубежных источниках, необходимо было тщательно проанализировать и сопоставить его действия с тем, что выявила предварительная проверка.

Вскоре сотрудниками органов госбезопасности в первом отделе института была обнаружена расписка, согласно которой А. Г. Толкачев получил два совершенно секретных документа в 10 часов 30 минут и сдал их в 17 часов 45 минут. В регистрационной карточке, где фиксировались все получаемые им документы, один из них не значился. Кроме того, наличие расписки свидетельствовало о том, что Толкачев не сдал, как это положено по инструкции, свой пропуск в обмен на полученные документы.

Проведенная в научно-технической библиотеке проверка показала, что Толкачев, как правило, брал в библиотеке ненужные ему для работы секретные издания сразу после начала рабочего дня, оставляя взамен пропуск, а после того, как получал совершенно секретные документы под расписку, книги сдавал обратно в библиотеку. Таким образом, к обеденному перерыву у Толкачева на руках оставались и пропуск в институт, и совершенно секретные материалы.

Сотрудники отдела, в котором работал Толкачев, рассказали, что он часто уезжал обедать домой. Их удивляло, почему он не брал с собой на обед супругу, работавшую в том же институте, но из чувства такта не задавали Адольфу Георгиевичу этот вопрос.

Подозрения чекистов в отношении Толкачева еще более усилились, когда одна из сотрудниц первого отдела сообщила, что в карточку, где фиксировались документы, которыми пользовался Адольф Георгиевич, внесены далеко не все инвентарные номера документов. Чисто визуально она запомнила, что примерно год назад в его карточке уже не оставалось места для записи, а настоящая заполнена лишь наполовину.

Проведенная в КГБ экспертиза определила, что подписи должностных лиц, разрешающих пользоваться закрытой документацией, вероятнее всего поддельные.

НАЧАЛСЯ новый этап работы, пожалуй, не менее сложный, чем предыдущий, усугубляемый тем обстоятельством, что ни в коем случае нельзя было вызвать подозрений ни у Толкачева, ни у его американских хозяев.

Специалисты изучали и анализировали всю жизнь Адольфа Георгиевича Толкачева, родившегося в 1927 году в Актюбинске, русского, беспартийного, женатого, проживавшего в высотном доме на площади Восстания. Окружающие говорили о нем как о высококвалифицированном инженере, ведущем обособленный образ жизни, в прошлом злоупотреблявшем спиртными напитками и лечившемся у нарколога. Недавно он приобрел дачу и машину. Ему были свойственны любовь к обогащению, очень высокое мнение о себе, о своих способностях, предназначении. Впоследствии на допросах сам Толкачев признал, что только желание иметь много денег, которые дадут ему независимость, толкнуло его на преступление.

...Приближался час расплаты.

Разведка продолжала беспокоиться о своем человеке в Москве, не зная, что его дни на свободе сочтены. С целью безопасности агента ему отказали в передаче ряда материалов, могущих привести к его расшифровке, например пособий по английскому языку для сына (который, конечно, ничего не знал о преступной деятельности отца). В письме к Толкачеву, отвечая на его просьбы, американцы писали:

«Наш координатор также приступил к работе по сбору кассетного материала на английском языке для Вас и Вашего отпрыска. Мы сочувствуем Вашему отпрыску в затруднениях с изучением английского языка и очень хотим помочь в этом отношении. Однако мы испытываем сильные сомнения относительно безоговорочного снабжения его легко распознаваемым американским материалом, который может поставить под угрозу Вашу безопасность и еще более неохотно смотрим на передачу Вам этих кассет... Не трудно ли будет Вам объяснить Вашему отпрыску, как и где Вы достали этот материал. Если Ваш отпрыск поделится кассетным материалом с другими, те же вопросы будут заданы и ему, и в конечном итоге привлекут еще больше внимания к Вам. Поэтому прежде снабжения Вас этим кассетным материалом на английском языке нам хотелось бы знать, каким образом

Вы собираетесь объяснить его появление Вашему отпрыску и друзьям, не ставя под угрозу Вашу безопасность».

Самую большую «заботу» о Толкачеве американцы проявили, передав ему ампулу с ядом, вмонтированную в авторучку. В ампуле была тройная смертельная для взрослого человека доза цианистого калия. Таким же ядом в авторучке был снабжен в свое время другой американский шпион — Огородник, покончивший жизнь самоубийством. Видимо, такой конец виделся хозяевам как лучший исход и для Толкачева. Обсуждался, правда, с ним и другой вариант — бегство за рубеж, но совершиться этому не было дано.

Возмездие приближалось. И обостренным чувством самосохранения Толкачев понимал это. Настораживали его и меры, принимаемые американской разведкой по усилению его безопасности. С горя и от страха он запил — снова пришлось обращаться к наркологу за помощью.

Деньги теряли для него ценность. И однажды случилось то, с чего начался наш рассказ, — в приступе отчаяния и злобы он сжег часть своего богатства, уничтожил часть аппаратуры, подалеке спрятал великолепные ювелирные изделия, о существовании которых до обыска так и не узнала его жена!

Толкачев не воспользовался своим богатством. Всего боящийся, скрывающий свою личину не только от сослуживцев и знакомых, но и от самых близких людей, от жены и сына, он вынужден был таиться, вести нарочито скромную жизнь, не мог решиться потратить открыто сотню-другую рублей. Свое настроение последнего времени впоследствии он объяснял так:

«Мои опасения возможного провала были обусловлены следующими обстоятельствами. В научно-исследовательском отделении НИИ радиостроения, где я работал, в конце апреля стали составляться списки сотрудников, допущенных к материалам по системе государственного опознавания самолетов, с включением сведений о домашних адресах и номерах телефонов. Меня это насторожило, так как в марте я передал американцам некоторые сведения по этой системе».

5 июня 1985 года Толкачев, приехав в обеденный перерыв домой, в обусловленное время открыл форточку в одной из комнат своей квартиры, тем самым дав сигнал американским разведчикам о своей готовности к очередной конспиративной встрече. Вечером после работы, прихватив с собой подготовленные для американцев материалы, он на автомашине по известному ему маршруту направился на встречу со своим иностранным «координатором». В тихом неприметном месте Толкачев, явно нервничая и постоянно оглядываясь, в течение получаса напрасно ждал своего «друга». Американский разведчик так и не появился. Впрочем, это случалось и раньше. Ведь хитроумный график встреч предусматривал такую возможность и в этом случае определял следующее «свидание» через восемь дней, правда, уже в другом заранее обусловленном месте.

В тот день, 13 июня 1985 года, Толкачев, повторив манипуляции с форточкой, в то же время, что и 5 июня, появился на улице Пивченкова. Одновременно к этому же месту направился второй секретарь посольства США Пол Стомбах, в действительности сотрудник ЦРУ. Из посольства США американский разведчик выехал с женой Бетси Стомбах, помощницей мужа в шпионских делах, и после трехчасовой прогулки, точнее, проверки, по Москве переоделся, затем, оставив жену в автомашине и сменив несколько видов городского транспорта, вышел на встречу с Толкачевым.

При задержании у Стомбаха были изъяты исполненные на миниатюрных листках быстрорастворимой в воде бумаги инструкции ЦРУ, пять мини-фотоаппаратов, изданные за границей антисоветские произведения, деньги, предназначавшиеся Толкачеву, а также схемы района места встречи и т. д.

На встречу с американским разведчиком Толкачев также пришел не с пустыми руками. У него были обнаружены письменное сообщение о новейших разработках военной техники, мини-фотоаппараты с отснятыми совершенно секретными документами. Наряду с этим у него в квартире были изъяты другие вещественные доказательства его шпионской деятельности, в том числе средства тайнописи, коды, шифры, инструкции, ампула с ядом, вмонтированная в авторучку, рукописные материалы, содержащие совершенно секретные сведения, крупные суммы денег и драгоценности.

На первом же допросе Толкачев во всем признался и сказал:

«Передавая американцам совершенно секретные сведения, я как специалист понимал, что этим наносится вред интересам Советского государства, однако старался не думать об этом, а если и задумывался, то успокаивал себя мыслью, что в условиях ядерной войны переданная мною информация об истребительной авиации, в том числе бортовых радиолокационных станциях, и по другим вопросам, не будет иметь существенного значения. Это мое заблуждение. Полное прозрение наступает, к сожалению, тогда, когда представляется возможность увидеть в целом, в полном объеме плоды своего заблуждения, своей близорукости, как это случилось со мной».

Газета «Уолл-стрит джорнэл». Октябрь 1985 года. Статья члена редколлегии Уильяма Кусевича:

«...Согласно материалам, полученным от высокопоставленных лиц в разведке США, Толкачев был одним из наиболее успешных агентов ЦРУ в Советском Союзе... В течение нескольких лет он передавал бесценную информацию американцам о новейших советских исследованиях в области авиационной технологии, особенно авионики — аппаратуры электронного слежения и противодействия, включая современные радары и так называемые «невидимки», или технику, с помощью которой самолет нельзя обнаружить радаром. Такие исследования являются крупным достижением в области военной авиации...»

...Он был одним из наиболее прибыльных источников. Он сэкономил нам миллиарды долларов, передав информацию о том, в каком направлении будет развиваться советская авиация... В результате США потеряли одного из наиболее ценных агентов в СССР».

16—23 июня 1986 года дело на Толкачева было заслушано в судебном заседании Военной Коллегией Верховного суда СССР. Материалы следствия нашли полное подтверждение в процессе судебного разбирательства. Вина Толкачева была установлена показаниями свидетелей и вещественными доказательствами.

Военная Коллегия Верховного суда СССР, признав Толкачева виновным в измене Родине в форме шпионажа, приговорила его к исключительной мере наказания — смертной казни.

Да, поистине жалка участь предателя, но она неизбежна!

г. Москва

Продолжаем дискуссию о работе с агентурой

ПРОБЛЕМЫ КОНСПИРАЦИИ И СОБСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Подполковник С. МАЗУР,
подполковник В. ПОПОВ,
кандидат юридических наук

...Повысить конспиративность в работе с негласными помощниками, особенно на участках борьбы с враждебными акциями антисоциалистических группирований и организованной преступностью. ...Вырабатывать новые подходы к организации оперативной деятельности, изыскивать нетрадиционные методы и приемы ее осуществления, повышения надежности зашифровки источников информации, их защиты.

Из решения Коллегии КГБ СССР от 21 февраля 1990 года «О мерах по усилению собственной безопасности органов и войск КГБ СССР»

Управлением КГБ СССР по г. Москве и Московской области совместно с Высшей школой КГБ СССР имени Ф. Э. Дзержинского проведено исследование проблем конспирации и собственной безопасности в процессе формирования и использования агентурного аппарата.

Итоги исследования, на наш взгляд, представляют интерес не только для сотрудников столичного Управления, но и для оперативного состава других подразделений Комитета госбезопасности. Оно показало, что подразделения УКГБ располагают определенной информацией об устремлениях противника к органам госбезопасности и их агентурному аппарату.

Так, в ходе осуществления контрразведывательных мероприятий службами Управления в 1987—1988 годах получена информация об участившихся попытках отдельных иностранцев и бывших советских граждан, выехавших на постоянное жительство за границу, но периодически посещающих СССР по частным делам, заинтересовать органы КГБ якобы имеющимся у них доступом к военной или важной экономической информации, а также своими связями. Эти лица старались инициативно устанавливать контакты с сотрудниками органов госбезопасности, стремились перевести эти контакты за рубеж, что позволило обоснованно подозревать противника в подставе их нам на вербовку. Такие случаи имели место и ранее.

По данным второй и четвертой служб, за последние годы было отмечено несколько попыток проникновения в агентурный аппарат Управления отдельных враждебных и антиобщественных элементов — валютчиков, контрабандистов, расхитителей социалистической собственности и других лиц, занимающихся противоправной деятельностью.

С учетом начатой органами КГБ борьбы с организованной преступностью, располагающей определенными позициями в органах МВД и сфере кооперативного движения, следует ожидать аналогичных устремлений к агентурному аппарату представителей из этой среды. Свидетельством тому может служить уже зафиксированное повышенное внимание к агентурной деятельности органов КГБ «Группы 33-х», функционирующей в рамках кооперативно-информационной службы «Факт».

В то же время, как показало исследование, эти обстоятельства с должной серьезностью не учитываются, особенно на стадии подбора и изучения кандидатов на вербовку. Происходит это потому, что в некоторых оперативных подразделениях сложилась практика, когда поверхностная информация о кандидате на вербовку, полученная от двух-трех источников, рассматривается в качестве достаточных оснований для решения вопроса о целесообразности его вербовки. Показательны в этом отношении данные анализа архивных личных дел 98 агентов, исключенных из агентурного аппарата по компрометирующим обстоятельствам. 90 процентов из них были привлечены к секретному сотрудничеству без достаточно глубокого изучения и проверки.

Особо обращает на себя внимание тот факт, что в работе оперативного состава с кандидатами на вербовку зачастую не придается должного значения обстоятельствам, при которых они попали в поле зрения органов госбезопасности, истинным мотивам их готовности к секретному сотрудничеству, редко анализируются признаки возможной подставы органам КГБ против-

ником враждебных и иных антиобщественных элементов. В частности, при проверке только у 7 из 203 кандидатов эти вопросы в той или иной степени были учтены оперативными работниками. Определенная угроза интересам собственной безопасности органов КГБ усматривается и в том, что контроль за поведением кандидатов на вербовку из советских граждан после установления с ними личного оперативного контакта, как правило (66 процентов случаев), не осуществлялся.

Вербовки агентов из иностранцев нередко строятся по шаблонным, устаревшим схемам, основанным на использовании компрометирующих материалов, полученных в результате естественно сложившихся или искусственно создаваемых ситуаций. Не всегда учитывается, что спецслужбы противника для внедрения в агентурный аппарат органов КГБ нередко направляют «скомпрометированных» себя лиц. Так, в одной из американских инструкций по организации подстав прямо указывается на целесообразность использования в этих целях лиц, которые в силу своих биографических данных, отрицательных личных качеств или черт характера, занимаемого положения и доступа к секретной информации «представляют собой логическую кандидатуру на вербовку». При этом подчеркивается, что «вражеские разведки попадают на удочку данных о моральной, идеологической и финансовой слабости» интересующей их категории иностранных граждан.

Наряду с обеспечением безопасности вербовочных мероприятий важным составным элементом собственной безопасности в агентурной работе является целенаправленное выявление возможной агентуры противника и враждебных элементов в действующем агентурном аппарате органов КГБ. В этой связи первостепенное значение приобретает оценка надежности секретных сотрудников, прежде всего используемых на наиболее острых направлениях контрразведывательной работы, а также в борьбе с организованной преступностью.

Между тем выводы о надежности агентуры, как правило, базируются на личных впечатлениях работников и информации отдельных источников, которые не всегда хорошо осведомлены о личности изучаемых. При проверке агентов, в том числе участвующих в активных мероприятиях, все еще редко используются оперативные комбинации и эксперименты, что превращает процесс проверки в формальный акт, не дает объективных сведений о степени надежности негласных сотрудников. О серьезных недостатках в работе оперативного состава по проверке надежности агентуры может свидетельствовать, в частности, тот факт, что в 60 процентах случаев данные об инициативной расшифровке агентов, исключенных по этой причине из действующего агентурного аппарата, были получены не в результате их плановой проверки или в связи с возникшими в отношении их подозрениями, а случайно.

Наличие существенных трудностей и упущений при оценке надежности агентуры подтверждали в ходе анкетирования 907 агентов УКГБ, большинство из которых, по мнению руководящего и

оперативного состава подразделений, являются надежными. Однако результаты исследования показали, что не все из них могут быть отнесены к этой категории. Так, около 10 процентов опрошенных помощников отметили, что не считают сотрудничество советских граждан с органами госбезопасности необходимым, и высказали сомнение в том, что деятельность КГБ соответствует положениям Конституции СССР, идеям демократизации и гласности; примерно у 30 агентов под влиянием публикаций об имевших место в период культа личности репрессиях отношение к органам КГБ ухудшилось или даже стало резко отрицательным.

Проанализировав реальное состояние дел в этой области, коллегия Управления КГБ наметила ряд мер в целях повышения надежности агентурного аппарата и обеспечения его безопасности. Предусмотрено, в частности, при подборе оперативных источников из иностранцев и других категорий лиц, в отношении которых имеются подозрения, особое внимание уделять всестороннему выяснению обстоятельств, при которых они попали в поле зрения контрразведки, и мотивов предполагаемого секретного сотрудничества. Указано, что в случае подтверждения возникших подозрений следует брать таких лиц в активную разработку, при возможности использовать складывающиеся ситуации для завязывания оперативных игр и т. п. Признано необходимым осуществить тщательную проверку негласных сотрудников, надежность которых вызывает сомнение, а также участвующих в активных чекистских мероприятиях. Принято также решение о внедрении в практику оперативных подразделений Управления системы проверочных мероприятий, используемых первой службой, и методических рекомендаций, разработанных специальной кафедрой № 1 Высшей школы КГБ СССР.

Многие из намеченных мероприятий в настоящее время успешно реализуются. Вместе с тем хотелось бы высказать в постановочном плане ряд предложений и по другим аспектам уязвимости агентурного аппарата органов госбезопасности.

В частности, на наш взгляд, нуждается в более четком правовом закреплении получившая широкое распространение в чекистской деятельности практика вербовки в качестве агентов доверенных лиц, используемых на конспиративной основе. Приказ КГБ СССР № 00140 1983 года допускает в порядке исключения приобретение агентуры из данной категории лиц, но не определяет содержания и необходимого объема дополнительных проверочных мероприятий, что приводит к упрощенчеству в работе.

Действующие нормативные акты (приказы КГБ СССР № 00140 и № 00145 1983 года и др.), учебные пособия не обеспечивают единообразного толкования понятия надежности агента, что нередко приводит к различного рода нежелательным последствиям. С учетом изложенного представляется необходимым сформулировать в нормативных документах соответствующие требования. Кроме того, целесообразно скорректировать п. 28 Анкеты агента, резидента, держателя явочной или конспиративной квартиры (приложение № 6 к Инструкции по учету агентуры), где должны отра-

жаться выводы оперативного работника о степени надежности секретного сотрудника («вполне надежен», «надежен», «недостаточно надежен» и т. д.) и динамике ее изменения. Следовало бы также конкретизировать и нормативно закрепить понятия «изучение» и «проверка» агентуры как взаимосвязанные, но качественно разные способы определения ее надежности. В повседневной практической деятельности эти понятия зачастую отождествляются, следствием чего являются поверхностная оценка личных и деловых качеств негласного помощника и принятие ошибочных решений относительно его дальнейшего оперативного использования.

Следующим вопросом, на котором хотелось бы заострить внимание, является локализация нежелательных последствий в результате утечки информации об органах КГБ от агентов, исключенных из агентурного аппарата по компрометирующим материалам, а также выехавших на постоянное жительство за границу. И хотя в последнем случае речь идет лишь о предпосылке к оперативным происшествиям, говорить об этом приходится в силу того, что, как свидетельствуют имеющиеся материалы, нередко бывшие агенты при опросе их представителями спецслужб страны пребывания раскрывают факт своего прошлого сотрудничества с органами госбезопасности СССР и разглашают ставшие известными им сведения.

В ходе исследования было изучено около 100 личных дел бывших негласных помощников, исключенных из действующего агентурного аппарата Управления в 1986—1988 годах за расконспирацию, дезинформацию, двурушничество, отказ от сотрудничества, привлечение к уголовной ответственности, в связи с разработкой, выездом на постоянное жительство за рубеж и выявлением отрицательных наклонностей. Анализ материалов на них показывает, что эти агенты располагают значительным объемом информации об органах КГБ, формах и методах их работы, явочных и конспиративных квартирах, об объектах оперативной заинтересованности, а также оперативных работниках, у которых они находились на связи.

На этом фоне уровень работы оперативных подразделений Управления по предотвращению утечки сведений об органах КГБ к противнику от указанных секретных сотрудников и локализации связанных с этим нежелательных последствий представляется явно недостаточным. Характерно, что в половине случаев оперативный состав обычно ограничивался проведением с ними лишь предупредительных бесед и формальным отбором соответствующей подписки о неразглашении. В нарушение требований приказа КГБ СССР № 0100 1986 года при исключении таких агентов из действующего агентурного аппарата УКГБ в их личных делах не всегда отражалась конкретная осведомленность в госсекретах и сведениях, относящихся к деятельности органов госбезопасности. Кроме того, в материалах архивных личных дел бывших помощников, исключенных за расконспирацию, отсутствовали необходимые данные о фактических обстоятельствах расшифровки и объ-

еме разглашенных ими сведений, что хотя и не предусмотрено нормативными актами, но имеет важное значение, так как в противном случае сделать объективный вывод о размере и характере нанесенного ими ущерба интересам собственной безопасности органов КГБ не представляется возможным.

С учетом выявленных недостатков и упущений в данном вопросе коллегия УКГБ признала необходимым в сжатые сроки провести расследование в отношении агентов, исключенных в 1978—1988 годах из агентурного аппарата в связи с выездом на постоянное жительство за границу, а также за последние пять лет — за расконспирацию, двурушничество и дезинформацию. В необходимых случаях осуществить меры по локализации возможных нежелательных последствий. В частности, дополнительно проверить явочные и конспиративные квартиры, на которых принимались агенты, исключенные из агентурного аппарата по компрометирующим материалам, или работали сотрудники, уволенные из органов КГБ за совершение проступков, дискредитирующих высокое звание чекиста. В дальнейшем проводить такую работу постоянно.

Исследование высветило также ряд проблем в области обеспечения конспирации и собственной безопасности при работе с агентурой, решение которых выходит за пределы компетенции Управления КГБ по г. Москве и Московской области.

К их числу, на наш взгляд, может быть отнесена проблема создания в рамках КГБ СССР единого централизованного банка данных на бывших агентов органов госбезопасности, исключенных из агентурного аппарата за двурушничество, дезинформацию, расконспирацию, отказ от сотрудничества и по другим компрометирующим материалам, что позволило бы исключить нежелательные контакты с ними в последующем, а в целесообразных случаях использовать их в дезинформационных мероприятиях.

В этом же массиве имеет смысл сформировать блок данных обо всех бывших негласных помощниках органов КГБ, выехавших или оформляющихся на выезд за рубеж на постоянное жительство, по частным делам, в длительные либо краткосрочные командировки, в целях предупреждения и локализации возможной утечки через них к противнику сведений об органах госбезопасности. Целесообразность такой меры продиктована тем, что многие из этих агентов были исключены в прошлом из агентурного аппарата не по компрометирующим материалам и не в связи с их выездом на постоянное жительство за границу, а в силу различного рода бытовых обстоятельств (болезнь, утрата оперативных возможностей, семейные обстоятельства и т. д.), вследствие чего в дальнейшем из поля зрения органов КГБ они, как правило, выпадают и факты их выездов за рубеж не отслеживаются.

В этой связи необходимо, по нашему мнению, скорректировать положение приказа КГБ СССР № 0163 1989 года, отменившее проверку по учетам агентуры лиц, выезжающих за границу по частным делам и на постоянное жительство, так как в этом случае

становится практически невозможным выявить в потоке покидающих СССР лиц бывших негласных помощников.

Наряду с изложенным в интересах обеспечения личной безопасности оперативных сотрудников, работавших с бывшими агентами, выехавшими на постоянное жительство за рубеж, следовало бы учитывать это обстоятельство не только при направлении оперативных работников в краткосрочные загранкомандировки, как предусмотрено п. 3.3 приказа КГБ СССР № 00133 1988 года, но и при переводе их по службе в другие разведывательные и контрразведывательные подразделения органов КГБ, являющиеся объектами первоочередных устремлений противника.

И еще. По нашему мнению, многие трудности и недостатки в обеспечении конспирации и собственной безопасности в процессе формирования и использования агентурного аппарата в значительной мере могут быть устранены в результате разработки и внедрения в чекистскую практику унифицированного личного дела агента (резидента, держателя явочной или конспиративной квартиры), в котором были бы заранее предусмотрены подлежащие обязательному выяснению оперативными работниками вопросы, касающиеся различных аспектов подбора, изучения и проверки секретного сотрудника, его практического использования и исключения из агентурного аппарата, а также локализации в случае необходимости возможных нежелательных для органов КГБ последствий.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что проведенное исследование лишний раз убеждает в необходимости решения этих и других задач обеспечения конспирации и собственной безопасности в работе с агентурой в контексте единой проблемы обеспечения собственной безопасности органов и войск КГБ СССР. В частности, важное значение приобретает вопрос о создании в центре и на местах специализированных подразделений, организующих, направляющих и контролирующих деятельность оперативных, оперативно-технических, информационно-аналитических и иных структурных звеньев органов КГБ по обеспечению собственной безопасности.

Авторы надеются, что затронутые в данной статье вопросы привлекут внимание читателей к проблеме конспирации и собственной безопасности и будут способствовать дальнейшему развитию происходящей в органах КГБ дискуссии о путях перестройки агентурной работы в новых социально-политических условиях.

г. Москва

Полковник Ф. ТАТАРСКИХ

Любое нарушение социалистической законности необходимо решительно пресекать и рассматривать как чрезвычайное происшествие, как нетерпимое в чекистской практике явление... Своевременно вскрывать и устранять причины, порождающие нарушения законности. Остро реагировать на сигналы о противоправных действиях сотрудников. Безотлагательно принимать меры к восстановлению прав граждан в случаях, когда допущены их нарушения и ущемления.

Из решения Коллегии КГБ СССР от 25 марта 1987 года «О мерах по дальнейшему укреплению социалистической законности в деятельности органов государственной безопасности и войск КГБ СССР»

16 января 1989 года КГБ Литовской ССР доложил в центр, что так называемым «комитетом спасения политзаключенных» был организован пикет у здания Верховного Совета республики. Пикетчики требовали освобождения некоторых лиц. В их числе назывался известный органам госбезопасности Музикявичюс Гинтарас Зигмович, 1962 года рождения, уроженец Каунаса, литовец, бывший военнослужащий срочной службы, осужденный в феврале 1984 года военным трибуналом Ленинградского военного округа за измену Родине в форме шпионажа к десяти годам лишения свободы и отбывающий наказание в Дубравном ИТУ. Оперативной разработкой Музикявичюса занимался старший оперуполномоченный капитан М. А. Блинов, а расследовал дело старший следователь подполковник В. А. Савельев (Особый отдел КГБ СССР по Ленинградскому военному округу).

Из жалоб матери Музикявичюса — Музикявичене Бируте Йоновны на имя Генерального прокурора СССР стало известно, что она и другие родственники считают осуждение Музикявичюса незаконным. В одной из них она писала: «Приговор необоснованный... Тот эстонец, который спровоцировал это дело и за военные сведения обещал сыну удочки для рыбалки и заграничные деньги, остался в стороне, как и другие два типа. Советовали других не мешать в дело, чтобы ему легче было все брать на себя... Провокаторы должны нести ответственность...»

С учетом изложенного Коллегия КГБ СССР в решении от 13 февраля 1989 года поручила Инспекторскому управлению проверить объективность, полноту и всесторонность расследования уголовного дела на Музикявичюса. Во исполнение решения Коллегии сотрудниками этого Управления были изучены материалы дел оперативной разработки, оперативного наблюдения и уголовного дела. С выездом на места проведены беседы с шестью агентами, принимавшими участие в разработке Музикявичюса и вы-

ступавшими затем свидетелями по его делу, а также сотрудниками особого отдела, которые вели разработку и следствие.

Анализ имеющихся и вновь полученных материалов показал, что оперативная разработка Музикявичюса проведена с обвинительным уклоном, имела место фальсификация некоторых оперативных материалов.

В поле зрения Особого отдела КГБ СССР по 82-й зенитно-ракетной бригаде ЛенВО Музикявичюс попал в сентябре 1982 года в ходе проверки объекта дела оперативной проверки с окраской «антисоветская агитация и пропаганда с высказываниями националистического характера» рядового Клавинга, с которым Музикявичюс оказался в одной палате военного госпиталя. По сообщению используемого в изучении Клавинга агента «Освальда», им по заданию оперработника Музикявичюс был втянут в беседы националистического характера. В процессе этих бесед возникла тема сбора и продажи секретов иностранцам. Являясь личностью примитивной, умственно отсталой, с отягощенной наследственностью, Музикявичюс поддерживал разговоры и на эту тему. После выписки Клавинга из госпиталя с помощью «Освальда» Музикявичюс написал ему письмо, в текст которого по рекомендации оперработника агент включил формулировки о якобы достигнутой договоренности между ними об обмене секретной информацией, что явилось обоснованием заведения в ноябре 1982 года на Музикявичюса дела оперативной проверки с окраской «измена Родине в форме шпионажа».

Вспоминая свое пребывание в госпитале, Клавинг дал следующие пояснения проверяющим: «В палате госпиталя мы друг другу рассказывали о плохом отношении старослужащих солдат русской национальности к нам, эстонцам и литовцам, унижении нашего достоинства, об оскорблениях типа «фашист», «немец». Специально в присутствии других солдат мы часто фантазировали, бахвалились тем, что до армии состояли в различных антисоветских националистических организациях и якобы боролись с Советской властью. В этой явной солдатской выдумке особенно отличался я, так как чувствовал себя выше по уровню развития, особенно перед Музикявичюсом... Я отчетливо сознавал, что все эти разговоры — пустая болтовня, но, уже втянувшись в них, не мог остановить себя и других. Сульг (агент «Освальд». — Прим. авт.), являясь старше нас по возрасту на четыре года, тоже эти разговоры не осуждал и даже предлагал различные варианты осуществления наших идей, так как считался нашим единомышленником... Незаметно для себя мы перешли к разговорам о сборе секретов и продаже их иностранцам как возможных вариантах нашей «борьбы».

Агенты «Кузнецов», «Чаплин», «Андрис», «Цыганов», опрошенные по месту их жительства, то есть в условиях, исключающих сговор между собой, рассказали, что при вводе в проверку все они предварительно ставились в известность оперработником о якобы проводимой Музикявичюсом шпионской деятельности и по-

лучали задания, фактически направленные на побуждение его к преступным действиям.

Выполняя такое задание, агент «Кузнецов», например, уговорил Музикявичюса начертить схему части для передачи родственникам агента, проживающим в США. В своем объяснении по этому поводу агент указал: «О Музикявичюсе Блинов мне сказал, что это потенциальный преступник, хочет выдать секреты иностранной разведке... На одной из встреч я доложил Блинову, что Музикявичюс добровольно не рисует схемы своей ракетной позиции, а Блинов ответил: ты сам предложи ему это сделать».

Из объяснения агента «Чаплина»: «По заданию Блинова я снова стал заводить разговоры с Музикявичюсом и спрашивать его постоянно, когда же он начертит новую схему... Я стал бояться, что Музикявичюс заподозрит меня... О сомнениях стал говорить Блинову, но он меня разубеждал, заставлял снова идти к Музикявичюсу и заводить такие же разговоры, то есть просить начертить схему».

Продолжая выполнять задания провокационного характера, «Чаплин» рассказал Музикявичюсу о наличии в секретной части, где он работал, сведений о новом ЗРК «С-300» и своем намерении похитить секретные документы в отместку командованию. В ходе дальнейших разговоров о сборе секретов «Чаплин» предложил Музикявичюсу свое содействие в хищении, фотографировании секретных документов, изготовлении схемы режимного объекта и ее хранении в секретной части.

Агент «Цыганов», введенный в разработку в роли фарцовщика, в то же время настойчиво предлагал разрабатываемому изготовить схему для продажи ее якобы своему знакомому иностранцу. Свой интерес агент объяснил Музикявичюсу желанием получить 25 процентов от вырученных денег. Такая схема с учетом конкретных рекомендаций агента «Цыганова» с пояснением и приложением списка офицерского состава была изготовлена Музикявичюсом, что послужило основанием для обвинения его в шпионаже. Фактически же все эти действия, поставленные в вину Музикявичюсу, он совершил не по своей инициативе, а при подстрекательстве и соучастии агентуры. Свидетельством тому — объяснение агента «Цыганова», который так оценивал свое участие в разработке Музикявичюса: «Инициатива в разговорах об иностранцах и передаче им секретов исходила от меня в соответствии с рекомендациями оперработников. Когда зашел разговор об имеющихся у меня деньгах, иностранных вещах, я ему сказал, что он тоже может их иметь, но для этого ему необходимо встретиться с иностранцами и что-либо предложить им. Музикявичюс спросил, что он может предложить иностранцам. Я ему пояснил, что он может нарисовать для них схему караулов, расположение ракет и т. д. При этом я предложил на следующий день встретиться с иностранцами и поговорить об этом подробнее... Доложил Блинову и получил задание сказать Музикявичюсу, что он может встретиться с иностранцами в том случае, если будет иметь конкретные сведения. Мне рекомендовалось быть активнее, само-

стоятельнее, при необходимости импровизировать, для большей откровенности угостить спиртным. Я выполнил задание оперработника... Музикявичюс вынул из кармана небольшой листок, где была нарисована схема якобы его базы. На схеме не было никаких конкретных пояснений, поэтому я ему сказал, что если он хочет получить вознаграждение, то необходимо подготовить развернутую схему базы с письменными пояснениями... Сейчас я понимаю, что мое поведение по отношению к Музикявичюсу подталкивало его к преступным действиям».

Как пояснили опрошенные агенты, оперативные данные излагались ими под диктовку Блинова в искаженном виде, ряд действий самих агентов приписывался разрабатываемому, что приводило к необъективным выводам. Так, агент «Освальд» в объяснении написал: «При встречах с Блиновым он диктовал мне письменные сообщения, помогая формулировать предложения». Анализ сообщений этого и других агентов показывает, что в них содержатся специфические выражения, характерные для чекистской терминологии: «Музикявичюс планирует использовать родственников Бацявичюса для совершения своих замыслов установления контактов со спецслужбами, в частности с ЦРУ; главным объектом его интереса является ЗРК «С-300»; побуждать секретчика к выдаче ему информации; мотивы и цели сбора и т. п.».

По утверждению агентов «Освальда», «Чаплина» и «Цыганова», заданий по положительному воздействию на Музикявичюса, склонению его к отказу от преступных намерений им не давалось.

Следователь подполковник В. П. Савельев не принял мер для устранения имевшихся в деле оперативной разработки нарушений, неправильно оценил материалы и в августе того же года совместно с начальником Особого отдела КГБ СССР по 82-й ЗРБ подполковником А. И. Сойни, знавшем о нарушениях и не проявившем принципиальности, предложили руководству Особого отдела КГБ СССР по ЛенВО и Следственного отдела КГБ СССР возбудить дело и привлечь Музикявичюса к уголовной ответственности. Последний был необоснованно арестован. Возбудив дело по недостаточно проверенным и, как теперь установлено, сфальсифицированным материалам, следователь не пытался добиться истины, склонил Музикявичюса к самооговору и добыл с помощью оперработника у свидетелей-агентов заведомо ложные показания о виновности арестованного, в том числе путем психологического воздействия Блинова на отдельных лиц, в частности свидетеля Нарью (агент «Цыганов»). Последний прямо признал: «...в период следствия и на суде мои показания были неточными, вытекали из рекомендаций Блинова, который говорил мне, что если я буду давать полностью правдивые показания, то пойду под суд как соучастник».

Но и нарушая закон об объективности и всесторонности исследования материалов дела, при явном обвинительном уклоне, следствие не смогло добыть доказательств сбора Музикявичюсом сведений, составляющих государственную тайну и находящихся в причинной связи с выполненными им схемами воинских частей.

При систематизации материалов уголовного дела следователем допущена существенная ошибка (проверкой не установлено, что это совершено умышленно): один из важнейших документов (объяснение Музикавичюса, которое было получено 18 августа 1983 года при изъятии у него на гауптвахте схемы воинской части и в котором он указал, что изготовил ее под давлением Нарьи), послуживший основанием для возбуждения уголовного дела, оказался приобщенным к вещественным доказательствам без указания об этом в соответствующих материалах.

Большое значение для определения степени вины Музикавичюса имело экспертное заключение Восьмого управления Генштаба Вооруженных Сил СССР. В ходе следствия туда были направлены изготовленные Музикавичюсом схемы расположения войсковых частей 03192 и 03192 «М», но содержание этих схем объяснялось в приложенной к ним подробной пояснительной записке командования. Представление таким образом материалов в Восьмое управление Генштаба привело к необъективной оценке доказательств шпионской деятельности Музикавичюса.

По ходатайству КГБ СССР Музикавичюс Президиумом Верховного Совета СССР в марте 1989 года помилован. По протесту Главного военного прокурора определением Военной Коллегии Верховного суда СССР от 20 февраля 1990 года уголовное дело на Музикавичюса прекращено за отсутствием состава преступления. Третьим главным управлением и Следственным отделом КГБ СССР совместно с Главной военной прокуратурой в установленном законом порядке принимаются меры по восстановлению гражданских прав Музикавичюса и определению степени виновности ряда сотрудников Особого отдела КГБ по Ленинградскому военному округу, допустивших нарушения социалистической законности.

БИЗНЕСМЕНЫ НА ОРУЖЕЙНОЙ НИВЕ

Капитан 2 ранга А. ЗДАНОВИЧ,
специальный корреспондент «Сборника КГБ СССР»

В краткой информации Пресс-бюро КГБ СССР, помещенной в ряде центральных газет 25 февраля текущего года, было сообщено, что органами военной контрразведки совместно с УКГБ по Алтайскому краю предотвращено групповое вооруженное нападение на воинский склад в городе Барнауле в целях завладения большой партией оружия и боеприпасов.

Это был финал операции, осуществленной в рамках дела оперативной разработки «Скорпионы» с окраской «устойчивая преступная группа лиц, организовавших для совершения насильственных действий».

А начиналось все так.

Солнечный субботний день в начале февраля не предвещал каких-либо неожиданностей. Завершив перед обедом служебные дела, начальник особого отдела по бригаде внутренних войск подполковник Валерий Константинович Сидоренко вышел из здания штаба. В группе военнослужащих, беседовавших между собой в курилке, он заметил резидента «Федоровского», чем-то явно встревоженного и подающего условные сигналы о необходимости срочной встречи. Оперработник, у которого он находился на связи, еще не вернулся из командировки, поэтому В. К. Сидоренко сам поспешил на явочный пункт. Буквально с порога «Федоровский» начал рассказывать о двух своих солдатах, Кеере и Потехине, которые доверительно сообщили ему о возможной попытке нападения на склад НЗ в ближайшие дни. К ним якобы обратился неизвестный молодой человек с предложением оказать содействие в хищении оружия и отключить для этого сигнализацию.

— Это сообщение резидента,— пояснил в беседе со мной В. К. Сидоренко,— вызвало двоякое чувство. С одной стороны, не очень реальным представлялось содержание разговора солдат с гражданским лицом, вызывали сомнения многие его детали, а с другой — Кеер и Потехин искренне уважали «Федоровского» и вряд ли стали бы его разыгрывать или провоцировать. Да и серьезность тона состоявшегося разговора, неприкрытый испуг на лицах солдат (не оставшийся незамеченным нашим негласным помощником) говорили сами за себя.

К интенсивной проверке информации «Федоровского» подталкивала как бы вскользь брошенная солдатами фраза: «Нападение возможно в ближайшие дни».

Отработав резиденту задание по склонению Кеера и Потехина к заявлению в особый отдел по поводу разговора с неизвестным, Валерий Константинович срочно связался с начальником третьего отдела УКГБ по Алтайскому краю подполковником Виктором Абрамовичем Маметьевым, и уже через час они вместе обсуждали сообщение «Федоровского». Доложили свои соображения руководству Управления и получили санкцию на проведение оперативно-технического мероприятия с целью прояснить возникшие вопросы.

Кому-то могут показаться излишне поспешными действия чекистов, но надо учесть, что всего несколько месяцев назад здесь же, в Барнауле, в результате нападения на караул дивизиона ПВО были убиты несколько солдат и прапорщик, захвачены преступниками автоматы и боеприпасы к ним. Поисковые мероприятия результатов до сих пор не дали. Вот и судите, надо ли было торопиться.

Резидент с заданием справился, солдаты пришли к Сидоренко, но сообщили только то, что уже было известно. Контроль их последующей беседы в казарме позволил установить, что обращение к ним за содействием в хищении оружия действительно было, однако исходило оно не от гражданского человека, а от одного из солдат бригады. И вновь в дело вступил «Федоровский», убеждая Кеера и Потехина ничего не скрывать от сотрудников особого отдела. Веские доводы резидента привели к положительному разрешению борьбы мотивов у испугавшихся «барнаульской мафии» солдат.

На второй беседе они вели себя значительно откровеннее и назвали того, кто просил их отключить сигнализацию на складе, — рядового Тычаева, который якобы действовал по поручению двух неизвестных ему по фамилии солдат, связанных с местными жителями.

Параллельно с поиском причастных к возможно готовящемуся нападению на склад лиц через командование принимались меры по усилению охраны оружия, проводилась проверка его наличия в подразделениях. На этом фоне вскрылось отсутствие двух бронежилетов. Недолгий поиск через агента «Игорева» и доверенных лиц вывел старшего оперуполномоченного капитана Л. В. Могильникова на военнослужащих Игнатьева и Коровина, и после легализации полученных данных с ними состоялась беседа. Они признались в краже бронежилетов и продаже их жителям Барнаула студенту Фусту и работнику кооператива Штольцу.

Но в тот период чекисты еще лишь интуитивно догадывались о связи двух фактов — кражи бронежилетов и возможного захвата оружия на складе НЗ. Предположения укрепились после дополнительного негласного изучения Игнатьева и Коровина. Стало ясно, что именно они искали через Тычаева связи со специалистами по системам охранной сигнализации.

Через агента «Игорева» удалось побудить Игнатьева дополнительно сообщить чекистам об опасных предложениях их гражданских связей.

11 февраля Игнатьев пришел к оперработнику, рассказал все, что знал о конкретных планах группы Фуста, решимости осуществить нападение на склад с оружием до 25 февраля.

Я умышленно указываю здесь и укажу далее конкретные даты — без этого трудно оценить динамику развития событий, тот цейтнот, в котором оказались сотрудники УКГБ и особого отдела. До предполагаемой преступной акции оставалось всего четырнадцать дней, а, кроме признания Игнатьева и неполных установочных данных на Фуста, у них ничего не было. Сколько людей в группе Фуста, есть ли у них оружие, не установил ли он контактов с другими военнослужащими части, кому предназначается то, что хотят захватить на складе? Это и многое другое еще предстояло выяснить, не допустить в конечном итоге совершения преступления.

Фуста установили довольно быстро. Он оказался студентом первого курса медицинского института, воспитывался в благопо-

лучной интеллигентной семье, жил в общем-то в достатке, особенно в чем не нуждался. Тем не менее вынашивал намерение уже в этом году выехать к родственникам в ФРГ, где, может быть, и остаться, а до отъезда погулять в Барнауле на широкую ногу. Но не давало студенту развернуться отсутствие денег. После некоторых конфликтов с отцом рассчитывать на его субсидии не приходилось, да и сколько мог дать врач городской больницы?

Судя по полученной от Игнатьева информации, знакомство его и Коровина с Фустом состоялось еще в ноябре прошлого года на квартире одной из студенток. Возможно, именно тогда, выслушивая приукрашенные рассказы солдат о своей караульной службе, наличии оружия в подразделениях и на складах, у Фуста возникла мысль заработать именно на оружии. И он начал постепенно подводить своих новых знакомых к разговору на эту тему. Для начала Фуст высказал желание приобрести военную форму, затем попросил оказать содействие (а если сказать точнее, то украсть) в приобретении бронежилета. Тут предложение Фуста и возможности Игнатьева и Коровина совпали, так как учет имущества в караульной роте был не на высоте и похитить бронежилеты не составляло особого труда, а Фуст посулил ни много ни мало тысячу рублей. Сделка состоялась. Посчитав, что Игнатьев и его приятель теперь прочно сели на заброшенный крючок, Фуст перешел к основному вопросу — организации нападения на склад и захвату оружия. Солдаты согласились и уж было начали готовить условия для совершения преступления. На этой стадии их и остановили работники особого отдела. Чекистам стали известны некоторые элементы плана Фуста.

Проанализировав имевшуюся информацию, данные о личности Игнатьева, чекисты пришли к выводу о необходимости установления с ним доверительных отношений и использовании в изучении Фуста. В соответствии с процессуальными нормами была оформлена его явка с повинной по поводу кражи бронежилетов. Возвратил Игнатьев и деньги, полученные от их продажи.

Первое поручение, которое предстояло выполнить Игнатьеву, было тщательно отработано сотрудниками третьего отдела УКГБ и особого отдела бригады: следовало выяснить, не изменились ли намерения Фуста, каков последний вариант плана нападения на склад, кто и как будет помогать Фусту в его реализации. Предусматривалось, что Игнатьев попытается разубедить Фуста, показать несостоятельность его замыслов в связи с мерами командования по усилению охраны объекта, отсутствием надежных ребят из несущих службу по охране склада. Встречу предполагалось проконтролировать с помощью оперативно-технических мероприятий и силами наружного наблюдения.

15 февраля Фуст появился у КПП бригады, вызвал Игнатьева и повел разговор о том, что уже сделано по подготовке к преступной акции. В свою очередь Игнатьев, придерживаясь отработанной ему линии поведения, развивал мысль о возникших сложностях и фактической невозможности тайно похитить оружие. Приводимые доверенным аргументы, однако, не подействовали, Фуст

стоял на своем. Более того, он заявил, что не остановится, даже если придется стрелять в часовых. А стрелять есть из чего, пояснил Фуст,— у группы уже имеются автомат и обрез. За «работу» Фуст пообещал нашему доверенному 10 тысяч рублей. Расстались они на том, что Игнатъев попытается дополнительно изучить систему охраны склада и, возможно, подобрать сообщников из часовых. Он вернулся в часть и изложил суть разговора оперработнику, а Фуст под наружным наблюдением отправился к некоторым своим связям.

Усилиями сотрудников седьмого отдела УКГБ были установлены члены организованной Фустом группы — студенты политехнического института Красовский и Карасев. Как выяснилось позднее, особо близких, дружеских отношений между ними и Фустом не было, объединяло при подготовке опасного преступления лишь одно — жажда наживы. Они предполагали заработать на продаже оружия до двухсот тысяч рублей и пожить в свое удовольствие, поразвлекаться за счет жизней тех, кого готовы были убить в случае противодействия захвату склада. Красовский, как было видно из материалов оперативно-технических мероприятий, даже бахвалился своей отличной стрелковой подготовкой, полученной в период службы в погранвойсках.

Таким образом, группа Фуста была уже практически «вычислена». Но у ведущего разработку «Скорпионов» оперуполномоченного старшего лейтенанта Н. П. Афанасьева, его руководителей В. А. Маметьева и В. М. Кашкарова в ходе анализа полученных данных резонно возник вопрос о наличии вероятного заказчика оружия и «финансиста» всей акции. Действительно: Фуст, Красовский и Карасев — студенты и постоянно нуждались в деньгах сами, но готовы заплатить Игнатъеву сразу десять тысяч рублей. Они добивались от нашего доверенного проведения акции непременно до 25 февраля, ссылаясь на то, что «груз» должен именно до этого срока уйти из Барнаула. Видимо, кто-то стоял за спиной Фуста и компании. К поиску этого лица были подключены сотрудники группы по борьбе с организованной преступностью. К итогам их работы мы еще вернемся, а пока продолжим рассказ о мероприятиях по недопущению нападения на склад.

17 февраля состоялась вторая встреча Игнатъева с Фустом, в которой участвовал и Красовский. Вновь доверенный принялся отговаривать «друзей» от задуманного, для большей убедительности провел их на площадку, откуда просматривалась территория части и склад, дал возможность лично убедиться, что охрана значительно усилена. Однако Фуст и Красовский были непреклонны. Доверенный, пытаясь выиграть время, заявил, что сможет связаться с ними не ранее чем через три дня.

Неожиданно в материалах оперативно-технических мероприятий замелькала фамилия ранее неизвестного лица — некоего Фомина. Из зафиксированной беседы Фуста с Фоминым стало ясно, что именно Фомин первоначально намеревался финансировать «предприятие», но по мере роста денежных требований Фуста от-

казался. Чтобы убедиться в реальности такой позиции Фомина, был намечен еще ряд мероприятий, тем более что именно он был перекупщиком бронежилетов, как удачливый кооператор, имел в своем распоряжении немалые средства и не прочь был заработать еще. А Фуст лихорадочно искал новый источник получения денег, поднял на ноги все свои связи и, наконец, нашел другого «банкира», получив от него необходимые десять тысяч через третьих лиц. Саму передачу денег чекисты зафиксировать не смогли, но опытные сотрудники седьмого отдела УКГБ засняли на пленку ряд лиц, привлечших их внимание в предполагаемом месте встречи Фуста, и владельца десяти тысяч, что значительно облегчило его розыск.

Дальнейшие события менялись, как в калейдоскопе. Все говорило за то, что Фуст и его группа больше ждать не хотят и готовы на самые решительные действия, даже если Игнатъев откажется помогать им. Медлить было нельзя.

Как я уже упоминал, явку с повинной Игнатъева оформили протоколом, где указывалось также, что Фуст, купивший у солдат один из украденных бронежилетов, склонял их к участию в нападении на склад НЗ. 18 февраля протокол передали в прокуратуру, которая на следующий день возбудила уголовное дело по факту подготовки хищения оружия и боеприпасов из воинской части. Прокуратура дала поручение начальнику третьего отдела УКГБ В. А. Маметьеву продолжить розыскные мероприятия.

Фуст и его сообщники практически постоянно находились под наружным наблюдением, в отношении их активно применялись оперативно-технические средства.

Разведчики седьмого отдела зафиксировали доставку разрабатываемыми объемистых и тяжелых сумок на квартиру бабушки Фуста. Возникло предположение, что там могут быть автоматы, о наличии которых не раз упоминали «Скорпионы» в разговорах с Игнатъевым (лишь позднее стало известно, что оружия в сумках не было).

21 февраля должна была состояться передача денег объектами разработки нашему доверенному.

На место встречи заблаговременно выдвинулась бригада наружного наблюдения со средствами видеозаписи. Включенный в группу по расследованию уголовного дела старший следователь УКГБ В. А. Плотников расположился в штабе воинской части и соответствующим образом оформил направление Игнатъева (как заявителя) на встречу с Фустом и Красовским, вручил ему портативный бытовой магнитофон для записи содержания беседы. Не прошло и часа, как Игнатъев возвратился с переданным ему Фустом полиэтиленовым пакетом, в котором находились одиннадцать с половиной тысяч рублей и паспорт Красовского, отданный в залог под недостающую сумму денег. Игнатъев сообщил следователю, что нападение на склад ориентировочно намечено на час ночи и что Красовский будет ждать подтверждающего звонка Игнатъева вечером.

О результатах следственного действия был информирован прокурор, ему продемонстрировали произведенную видеозапись, и на основании этой информации он санкционировал задержание объектов разработки.

Руководство Управления КГБ приняло решение подключить к уже работающим по делу сотрудникам группу офицеров, проходящих подготовку по известному плану «Набат». Им поручалось непосредственно осуществить задержание. Руководитель группы подполковник А. М. Попов в беседе со мной рассказал об этом заключительном этапе реализации разработки следующее:

— Поскольку уже имелась оперативная информация о возможном наличии у «Скорпионов» автоматического оружия, необходимо было принять все возможные меры безопасности, исключающие гибель людей. Ребята, конечно, тренированные, усиленно занимающиеся по специальной программе с октября прошлого года, а отдельные сотрудники, как говорится, уже побывали в деле — при освобождении заложников в одной из колоний. Тем не менее готовились очень тщательно, проработали ряд возможных вариантов. Немало внимания уделили экипировке и вопросам организации связи. К слову сказать, здесь есть еще много проблем. Взять, к примеру, тяжелые, весом в 15 килограммов, гремящие вшитыми в них металлическими пластинами бронежилеты, далеко не совершенные средства связи и так далее. Тем не менее подготовились мы быстро и основательно. Первым задержали Фуста и доставили его в Барнаульский горотдел УКГБ, где уже находился следователь прокуратуры. Ожидалось, что он получит от задержанного необходимые нам сведения о количестве, видах и месте нахождения оружия, степени физической подготовленности членов его группы и другие необходимые для их успешного задержания данные. Но, к сожалению, следователь прокуратуры слишком долго (как нам казалось в той ситуации) устанавливал с Фустом психологический контакт, а он первоначально отмалчивался. Времени было в обрез. Разработчики сообщили нам, что в последнем телефонном разговоре Красовский торопил Игнатьева, а тот, как мог, оттягивал время прибытия группы к складу, в соответствии с рекомендацией оперработников просил обождать еще час-два до смены часовых. Но Красовский явно не хотел откладывать задуманную акцию. Нужно было действовать.

В первом часу ночи 22 февраля операция началась. Но вот неожиданность — в квартире ни Красовского, ни его друзей не оказалось. Возникли сомнения в надежности информации разведчиков седьмого отдела. Но они утверждали: никто из подъезда не выходил. Проверили с тыльной стороны дома (Красовский жил на первом этаже), однако на снежном заносе никаких следов не было. Где могут быть объекты? Этот вопрос буквально сверлил мозг всем участникам захвата, накалял и без того почти неудержимые эмоции. Как не хватало в тот момент каких-то деталей, накопленной в ходе работы по делу информации, известной лишь непосредственным разработчикам, находившимся в штабе — горотделе УКГБ. Изображая подгулявших молодых людей, чекисты

из группы захвата сосредоточились у подъезда, говорили громко, чтобы заглушить предательский лязг бронежилетов в ночной тишине. Вдруг из темноты вынырнул «Москвич» и подкатил к подъезду. Осторожно прикрыв за собой дверцу машины, водитель юркнул в дом, постучал в квартиру Красовского, но хозяйка ответила, что его нет дома. Тогда водитель зашел в соседнюю квартиру (как оказалось позднее, к себе домой). Почти одновременно из подъезда вышел молодой человек, одетый так, словно готовился к очень грязной работе, оглянулся и, увидев машину, скрылся за дверью. Где там было узнать в нем Красовского, которого видели лишь на видеопленке и совсем в другом одеянии. А тут ночь, густая темнота. Но чекистский опыт подсказывал А. М. Попову, что есть связь между появлением водителя «Москвича» и этим юношей. Несколько сотрудников из группы захвата двинулись вслед за молодым человеком, но тот словно сквозь землю провалился — ни шагов, ни стука двери не было слышно. Неожиданно на площадке первого этажа вновь появился водитель «Москвича» и стал спускаться в подвал. Чекистов буквально осенило: вероятно, это и есть «бункер», упоминавшийся в материалах оперативно-технических мероприятий.

Участники группы захвата поняли друг друга без слов. Хватило нескольких секунд, и трое находившихся в подвале людей, а также водитель были задержаны. Тут же обнаружили и то, что ими было подготовлено для нападения на склад, — обрез с патронами, клещи для разрезания колючей проволоки, ножовку по металлу, полотняные мешки, в которые они предполагали уложить похищенное оружие.

Первые показания задержанных подтвердили правильность решительных мер чекистов. Подготовленное преступление было пресечено своевременно.

На этом можно поставить точку. Добавим лишь, что через день после напряженных поисков установили и задержали упоминавшегося ранее «финансиста» — заказчика, сотрудника кооператива по фамилии Пята. От него ниточка повела в Новосибирск к тому, кто был бы получателем оружия, если бы его удалось похитить. Им занялись новосибирские чекисты.

Барнаул — Москва

От редакции. За успешное проведение оперативных мероприятий по предотвращению хищения крупной партии оружия приказом Председателя КГБ СССР поощрены многие из упомянутых в очерке сотрудников УКГБ по Алтайскому краю и особого отдела по бригаде внутренних войск.

КООПЕРАТИВЫ-КОНТРАБАНДИСТЫ

В декабре 1989 года КГБ Латвийской ССР были получены достоверные сведения о подготовке рижского производственно-научного кооператива «Инженер» к вывозу за границу 214 тонн титановых изделий металлургического производства под видом металлолома. Он должен был получить их через посредника — московский научно-производственный кооператив «Годограф» — с машиностроительного завода имени С. В. Ильюшина. С целью легализации оперативных данных на Латвийской республиканской таможне были подготовлены соответствующие условия для осмотра декларированного груза. Он был произведен 28 декабря и полностью подтвердил противоправную деятельность ПНК «Инженер».

Проведенная на месте специалистами по металловедению экспертиза показала, что задержанный титан представляет собой высоколегированные титановые сплавы, запрещенные к вывозу из СССР. Их изготавливают на предприятиях авиационной промышленности СССР для авиастроения, ракетостроения и судостроения.

Установлено, что ПНК «Инженер» в течение 1989 года поставил фирмам Италии, Швеции, ФРГ и Финляндии около 650 тонн лома цветных металлов, в том числе алюминиевых и никелевых сплавов, приобретенных в производственных объединениях «Моторостроитель» Перми, Казани и Запорожья.

На основании материалов, полученных из КГБ Латвийской ССР, Управлением КГБ Украинской ССР по Запорожской области заведено уголовное дело по факту хищения государственного имущества в особо крупных размерах на Запорожском ПО «Моторостроитель». Шестой службой УКГБ СССР по г. Москве и Московской области и КГБ Татарской АССР проводится оперативное расследование в отношении лиц, причастных к противоправной деятельности ПНК «Инженер».

* *
*

12 января 1990 года Латвийской республиканской таможней был задержан груз, обозначенный как «строительные детали из цветных металлов». Фактически это были алюминиевые изделия, экспорт которых лицензирован. Незаконный вывоз за границу алюминиевых труб и проката пыталась осуществить внешнеторговая фирма «Ригасельмаш». Выступая в роли посредника, она получала продукцию от молодежного объединения «Авангард» из Новосибирска, от советско-шведского предприятия «Литсистема» из Вильнюса и советско-западногерманского предприятия «Сигулла» из Москвы. В июне и ноябре 1989 года «Ригасельмаш» отпра-

вила за границу две партии груза весом более 400 тонн. В качестве расчета за первую партию фирма получила в августе около 50 комплектов персональных компьютеров.

По полученным в ходе следствия предварительным данным, инициаторами и организаторами контрабандной сделки являются работники молодежного объединения «Авангард», находящегося под эгидой райкома комсомола, что создавало им благоприятные условия для хозяйственно-коммерческой деятельности. Запрещенный к вывозу металл они приобретали на оборонном заводе Новосибирска за счет излишков сырья, высвободившихся в результате военной конверсии. Полученные ими компьютеры реализовали по рыночной цене. Вырученные средства (около 2,5 миллиона рублей) постепенно расхищаются лицами, подозреваемыми в причастности к организации контрабанды. Имеются сведения, что часть расхищенных денег используется для подкупа должностных лиц.

Полковник Л. КОВАЛЕНКО,
подполковник Ю. АНАНЬЕВ

О ЗАХВАТАХ ЗАЛОЖНИКОВ В ИТУ И УЧАСТИИ ЧЕКИСТОВ В ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ И ПРЕСЕЧЕНИИ

Полковник Ю. ЕРОФЕЕВ,
майор В. СТАРИКОВ

В общей неблагоприятной картине сегодняшнего состояния правопорядка в стране не последнее место занимают преступления, совершаемые в исправительно-трудовых учреждениях системы МВД СССР.

Как показывают результаты изучения обстановки, осужденные под влиянием происходящих в обществе процессов демократизации и гласности стали острее реагировать на факты нарушения должностными лицами ИТУ исправительно-трудового законодательства, ущемления прав заключенных, неудовлетворительные условия труда, быта, медицинского обслуживания и т. д. В результате этого протесты, неповиновения все чаще перерастают в экстремистские действия, крайним выражением которых стали случаи захвата заложников в исправительно-трудовых учреждениях, следственных изоляторах МВД СССР. Достаточно сказать, что только в 1989 году их количество по сравнению с 1988 годом увеличилось в четыре раза. Захваты заложников имели место в

20 областях, краях, автономных республиках РСФСР, а также на Украине, в Азербайджане, Латвии, Молдавии, Казахстане и Узбекистане. Всего в 68 экстремистских акциях участвовали 258 человек, в основном осужденных на длительные сроки лишения свободы. Среди них немало рецидивистов. В подавляющем большинстве преступники действовали группами от двух до пяти человек. В трех случаях захваты совершались группами до 30 человек, что само по себе представляет большую опасность. А главное, подобные насильственные действия в условиях колоний чреваты перерастанием в массовые беспорядки. Всего в качестве заложников захвачено 153 человека. Среди них женщины из обслуживающего персонала, сотрудники ИТК, СИЗО. Все это свидетельствует о серьезных недостатках и упущениях в обеспечении режима содержания осужденных.

Действия экстремистов сопровождалась выдвижением самых различных требований: от предоставления спиртного, наркотиков, продуктов питания до создания условий для беспрепятственного выхода из мест лишения свободы, обеспечения необходимыми транспортными средствами, иностранной валютой, проведения встреч с представителями зарубежной прессы, а также самодельных организаций антисоциалистического, антисоветского толка.

Борьба с получившим опасное распространение насилием, безусловно, требует чекистского содействия, в том числе со стороны недавно созданных в центре и на местах подразделений «З», которые во взаимодействии с органами МВД призваны решать задачу предотвращения массовых антиобщественных и групповых действий экстремистского характера. При этом важно иметь в виду и ту особенность, что преступники нередко преследуют цель бегства за границу с использованием различных транспортных средств или незаконного ее перехода. Захваты заложников по своей природе имеют немало общего с террористической деятельностью, ибо, как показывает анализ, их участники в результате нападения на представителей администрации или посредством удовлетворения выдвинутых ультимативных требований в обмен на сохранение жизни заложников стремились прежде всего завладеть боевым оружием. Кроме того, в ряде случаев экстремисты использовали самодельные ножи, металлические заточки, прутья, штыри и другие предметы. Отмечались даже попытки изготовления в ИТК огнестрельного оружия.

При обосновании необходимости нашего участия в борьбе с растущим экстремизмом в колониях немаловажное значение имеет то обстоятельство, что преступники зачастую сами требуют встречи с сотрудниками органов госбезопасности, поскольку считают, что представители МВД—УВД не решают назревших проблем и не заинтересованы в предании гласности реального положения осужденных.

Сообразуясь со складывающейся обстановкой, органы КГБ—УКГБ на местах включаются в работу по предупреждению и пресечению акций захвата заложников в исправительно-трудовых

учреждениях, тесно взаимодействуют в этом с органами внутренних дел, прокуратуры и командованием частей внутренних войск МВД СССР. Основой совместных действий являются планы проведения чекистско-войсковых операций по борьбе с террористическими и экстремистскими проявлениями, разработанные в соответствии с приказом КГБ—МВД СССР № 00221/0025 1983 года и предусматривающие создание специальных групп захвата, обеспечение их боевым снаряжением, транспортом, средствами связи, отработку способов обезвреживания преступников и освобождения заложников, а также осуществление других первоочередных мер, в том числе своевременное информирование партийных и советских органов.

Согласно этим планам на начальном этапе реализации операций основные усилия сосредоточиваются на склонении преступников к отказу от экстремистских акций и освобождению заложников. Значительный эффект достигается, когда в этой работе участвуют руководящие работники органов внутренних дел, прокуратуры, КГБ—УКГБ, о чем свидетельствуют факты освобождения преступниками заложников в учреждениях ОЦ-78/3 УИД МВД Литовской ССР, ОЖ-118/2 УИД УВД Воронежского облисполкома, а также в ряде других. В некоторых случаях эффективно использовался авторитет близких родственников. Так, в результате беседы с матерью подсудимый Устинов (СИЗО-4 города Новомосковска Тульской области) освободил контролера Комарову, захваченную им с целью добиться пересмотра уголовного дела.

Однако далеко не всегда удается мирным путем разрешить конфликт. В половине случаев освобождение заложников проводилось с использованием групп захвата, боевого оружия и других специально выделенных средств. При этом тактические действия определялись конкретными условиями содержания заложников, характером требований преступников, агрессивностью их поведения. Так, в ИТК-8 УИД МВД Молдавской ССР операция по освобождению заложников была проведена путем взрыва входной двери санчасти, где забаррикадировались преступники. В ИТК-40 УВД Карагандинского облисполкома Казахской ССР экстремисты были обезврежены группой захвата в момент имитации действий по удовлетворению их требований.

Обстановка вынуждала отдельные операции проводить и вне территории колоний. На Алтае в ИТК-10 строгого режима осужденные Дорохов, Тарачечников, Нестеров и Суполин захватили в качестве заложников продавца магазина Купрадзе и бухгалтера Баталину. Несмотря на длительные переговоры, преступники продолжали настаивать на предоставлении им автотранспорта для беспрепятственного выезда из колонии и выдаче 100 тысяч рублей и такой же суммы в иностранной валюте. При этом с каждым часом росла их агрессивность. В этих условиях руководством УКГБ и УВД было принято решение дать возможность преступникам выехать на автомобиле марки РАФ за пределы колонии, а затем провести операцию по их захвату. В результате

двое (Нестеров и Суполин) были убиты сразу, Тарачечников смертельно ранен, а Дорохов сдался. Заложницы освобождены невредимыми. Пострадавших среди участников операции не было.

Тем не менее в этом опасном деле не обходится и без потерь. При исполнении служебного долга в минувшем году погибло трое, ранено семь сотрудников органов МВД СССР. Серьезные испытания пришлось выдержать и заложникам. 13 человек получили ранения от действий преступников.

Оценивая результаты совместной с органами МВД СССР работы в данном направлении, следует отметить, что в ряде случаев на местах оказывались неподготовленными к действиям в экстремальных ситуациях. Это, а также отсутствие опыта, поспешность в принятии решений, непродуманность применения отдельных мер пресечения явились причинами гибели личного состава, задействованного в обезвреживании преступников и освобождении заложников.

Жестокая реальность требует сегодня не только серьезной корректировки существующих планов чекистско-войсковых операций, но и тщательной отработки совместно с подразделениями МВД—УВД скоординированных действий путем проведения специальных тренировок, учений применительно к условиям ИТК и СИЗО.

Однако главным недостатком является то, что порой имеющиеся в них режимные службы плохо знают обстановку среди осужденных и подследственных, поэтому не могут своевременно принять необходимые меры для выявления и предупреждения преступных намерений по захвату заложников. Нередко отсутствует острота реакции на факты экстремистских высказываний, грубых нарушений установленного законом режима в исправительно-трудовых учреждениях, попытки изготовления самодельного огнестрельного и холодного оружия. Все еще слабо используются оперативные возможности местных чекистских органов (предусмотрено указанием КГБ—МВД СССР № 23с/28с 1983 года), хотя положительные примеры имеются. В августе 1989 года Шекснинский РО УКГБ СССР по Вологодской области получил от своего источника информацию о подготовке захвата заложников группой осужденных учреждения ОЕ/256-17 УИД УВД Вологодского облисполкома. Для предотвращения этой акции через администрацию колонии под соответствующим предлогом были приняты меры по разложению группы. Одновременно в камере, где содержались члены группы, провели обыск, во время которого удалось обнаружить и изъять металлические прутья, заточки и «удавки». Преступные планы уголовников были сорваны. Дружно действовали органы госбезопасности и внутренних дел Кировоградской области Украины при пресечении попытки захвата заложников в СИЗО группой подследственных в июне 1989 года.

С учетом особой опасности такого рода проявлений отдельные органы КГБ совместно с подразделениями внутренних дел приняли дополнительные меры по предупреждению в исправительно-трудовых учреждениях акций экстремизма; усилено взаимодействие заинтересованных органов, в основу которого положен кон-

кретный опыт КГБ Удмуртской АССР по срыву замысла группы лиц совершить побег из ИТК-6 путем захвата заложников. Больше внимания стало уделяться улучшению работы оперсостава с негласным аппаратом из осужденных и сотрудников колоний, устранению недостатков в системе режимных мер, обеспечению своевременного взаимного информирования о негативных процессах и проявлениях в местах содержания заключенных и устранению причин, их порождающих. Последнее, на наш взгляд, должно быть предметом особой озабоченности органов МВД и КГБ на местах, поскольку подавляющее большинство мер, принимаемых в исправительно-трудовых учреждениях в целях борьбы с экстремизмом, носит пока сугубо локальный характер, имеет разовый эффект и не устраняет глубинных причин такого рода проявлений. В итоге цель оздоровления обстановки не достигается, происходит лишь приостановление ее негативного развития на непродолжительный период.

Как показывает оперативная практика, немаловажное значение имеет своевременное выявление среди спецконтингента лиц, склонных к экстремизму и пытающихся на этой основе группировать вокруг себя осужденных. Определенная система этой работы сложилась в УКГБ СССР по Астраханской, Костромской, Пензенской областям. Эти органы совместно с УВД регулярно проводят рабочие встречи, на которых вырабатывают меры по своевременному предупреждению и локализации враждебных проявлений в колониях, что позволяет им на ранней стадии срывать преступные замыслы экстремистов.

Следует отметить, что некоторые чекистские коллективы начали активно подключаться к решению вопросов оказания правоохранительным органам помощи в предупреждении негативных процессов в ИТУ, стремясь как можно лучше задействовать возможности местных Советов. Подобная практика получила развитие в деятельности УКГБ СССР по Тюменской области. Здесь в облисполком периодически докладывается информация об обстановке в исправительно-трудовых учреждениях. Акцентирование внимания советских органов на вскрытых недостатках в организации труда, быта, питания и лечения осужденных, использование наблюдательными комиссиями, депутатскими группами прав контроля за исполнением исправительно-трудового законодательства позволили устранить предпосылки к захватам заложников и массовым беспорядкам в ИТК-17 и ряде других колоний области.

Таким образом, рассматриваемая проблема резкого роста экстремизма в исправительно-трудовых учреждениях выдвинулась в сегодняшних условиях в число актуальных задач, стоящих перед МВД и другими правоохранительными органами. Успешное ее решение, на наш взгляд, видится и в активном участии чекистских подразделений. Имеющийся на местах опыт наглядно свидетельствует об этом.

О НОВОМ ЮРИДИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ СОТРУДНИКОВ КОНТРАЗВЕДКИ В СВЕТЕ ПРИНЦИПОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Полковник У. ЛАТЫПОВ,
кандидат юридических наук,

полковник А. МИКУЛЬШИН,
кандидат юридических наук

В условиях перестройки политической системы в нашей стране, расширения демократии и гласности сотрудники контрразведки на встречах с трудящимися, в процессе агентурно-оперативной работы все чаще сталкиваются с вопросом, который в общем виде можно сформулировать так: какое влияние оказывает процесс формирования социалистического правового государства на деятельность советских органов государственной безопасности?

Практика контрразведывательной работы в наши дни требует, чтобы каждый сотрудник уяснил для себя ответ на этот вопрос и мог аргументированно обосновать свою точку зрения агентам, доверенным лицам, другим гражданам. Аргументированный ответ может быть найден только на основе глубокого осознания сотрудниками контрразведки принципов социалистического правового государства. Эти принципы служат методологической основой для правильного понимания духа и буквы новых законодательных и других нормативных актов и, главное, для юридически грамотных действий на практике.

Новизна ситуации в условиях проводимой в стране правовой реформы заключается в том, что для решения многих оперативных вопросов недостаточно простого усвоения и точного соблюдения действующих на сегодня нормативных актов, что само по себе обязательно. Не менее важное (а подчас приоритетное) значение в деятельности контрразведки приобретает необходимость руководствоваться принципами правового государства, ибо эти принципы, как основополагающие начала, лежат в основе новых законов.

Основные принципы социалистического правового государства нашли отражение в материалах XIX Всесоюзной партийной конференции и последующих партийных документах, трудах М. С. Горбачева и других руководителей КПСС и Советского государства, в советских юридических изданиях. К ним относятся: верховенство закона во всех сферах общественной жизни; обязательность закона для самого государства и его органов; неизблемость прав личности; взаимная ответственность государства и личности; наличие эффективных форм контроля и надзора за осуществлением законов и других нормативно-юридических актов.

Будучи взаимосвязанными, эти принципы составляют основу концепции правового государства. По мере осуществления реформы политической системы и законодательства они наполняются конкретным содержанием, пронизывают все виды государственной деятельности, в том числе в сфере обеспечения государственной безопасности.

Вопрос о месте и роли органов государственной безопасности в социалистическом правовом государстве носит далеко не умозрительный характер с учетом того, что антисоциалистические силы, стремящиеся ликвидировать социалистический государственный и общественный строй, активно пытаются ослабить органы государственной безопасности, заявляя, в частности, что им нет места в социалистическом правовом государстве. События в некоторых восточноевропейских странах в этом смысле достаточно показательны.

В самом общем виде можно сказать, что социалистическое правовое государство, как и любое другое правовое государство, нуждается в сильных органах государственной безопасности, действующих строго в рамках своей компетенции и законности. При этом превалирующее значение приобретает правоохранительная направленность деятельности Комитета госбезопасности как ведомства, стоящего на страже Основного Закона — Конституции социалистического правового государства. Функция предотвращения и пресечения государственных преступлений, направленных против конституционных основ, будет осуществляться на все более совершенной правовой основе. В частности, возрастет роль законодательного регулирования наиболее важных аспектов деятельности по обеспечению государственной безопасности.

Для формирования нового юридического мышления важное значение имеет глубокое понимание присущего социалистическому правовому государству общедозволительного порядка правового регулирования. Он требует отказа от складывавшегося в течение длительного времени понимания того, что правомерно, а что неправомерно в действиях гражданина. Правосознание сотрудников контрразведки (как и всех советских граждан) формировалось под определяющим влиянием разрешительного порядка правового регулирования. Этот порядок, суть которого заключается в том, что лицо имеет право только на то, что прямо разрешено в юридическом документе (запрещено все, кроме дозволенного), в течение длительного времени лежал в основе советской правовой системы. Концепция правового государства предполагает переход на диаметрально противоположный общедозволительный порядок правового регулирования. В докладе М. С. Горбачева на XIX Всесоюзной партийной конференции подчеркнуто: «При обновлении законодательства нужно строго придерживаться принципа — разрешено все, что не запрещено законом». Этот принцип находит выражение в принятых в последнее время законодательных актах. И в дальнейшем все более рельефно будет проявляться стремление сделать дозволительное начало определяющей

юридической основой жизни социалистического правового государства.

В то же время в сфере государственной власти и управления будет сохраняться и развиваться разрешительный порядок правового регулирования: государственные органы (включая и правоохранительные) имеют только те права и полномочия, которые прямо разрешены законом. Более того, по мере формирования социалистического правового государства будет иметь место все более подробная, детальная законодательная (а не ведомственная) регламентация полномочий правоохранительных органов. Ближайшими такими правовыми актами, определяющими компетенцию государственных органов в сфере обеспечения государственной безопасности, станут Закон о государственной безопасности СССР и Закон о КГБ СССР.

В постановлении Съезда народных депутатов СССР «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР» заявлено о решимости утверждать верховенство закона во всех областях государственной и общественной жизни, равенство всех без исключения граждан, должностных лиц и организаций перед законом. Между тем в реальной деятельности правовой механизм позволяет пока ставить ведомственные интересы выше закона. Из этого проистекает и некий приоритет подзаконных актов, и снисходительное отношение к нарушениям законности, и отношение некоторых должностных лиц к букве закона как излишней формальности, которой можно пренебречь во имя «высших интересов».

Последовательное проведение в жизнь принципа верховенства закона требует отказа от целого ряда сложившихся стереотипов. В правосознании сотрудников должно утвердиться понимание того, что Конституция СССР и законы не на словах, а на деле превращаются в акты прямого действия. Нормативные акты, противоречащие Конституции и законам, должны становиться юридически недействительными. Поэтому в случаях коллизии закона и ведомственного нормативного акта следует руководствоваться буквой закона. В условиях правовой реформы это означает, что несоответствие ведомственных нормативных актов (инструкций, приказов и т. п.) законам делает их юридически недействительными без каких-либо специальных указаний. Об этом важно помнить практическим работникам, особенно четвертой и шестой линий, которые наиболее часто имеют дело с ведомственными нормативными актами, действующими на объектах контрразведывательного обеспечения.

Одним из принципов правового государства является принцип взаимной ответственности государства и личности. По мере развития правовой реформы он наполняется конкретным содержанием применительно к различным областям государственной деятельности, в том числе в сфере обеспечения государственной безопасности. Думается, этот принцип придаст особую актуальность вопросу о взаимной юридической ответственности Комитета государственной безопасности СССР, с одной стороны, и лиц, сотруд-

ничающих на агентурной или иной основе, — с другой. Лица, оказывающие помощь в борьбе с враждебной деятельностью, в ряде случаев подвергаются немалому риску и могут понести в процессе сотрудничества значительный ущерб (моральный, материальный и т. п.). В отдельных случаях такой ущерб может быть нанесен по вине сотрудника КГБ. Несомненно, что в таких случаях должны приниматься меры по восстановлению нарушенных прав и возмещению ущерба. Об этом, в частности, свидетельствует приказ Председателя КГБ СССР № 0035 1989 года «О мерах в связи с фактами грубых нарушений, допущенных в работе с агентами». В нем предписывается: «Там, где будут вскрыты факты ущемления прав и личных интересов агентов и доверенных лиц, нанесения им иного ущерба в процессе сотрудничества с органами госбезопасности, обеспечить восстановление справедливости, при необходимости оказать материальную и другую помощь. Руководящему составу лично встретиться с ними и принести извинения». Этот документ с юридической точки зрения является распорядительным. Очевидно, что современная практика агентурно-оперативной работы нуждается наряду с распорядительными и в нормативных актах, предусматривающих конкретные права и обязанности КГБ СССР и граждан, основания и порядок возмещения причиненного в процессе сотрудничества ущерба.

В настоящее время нередки случаи, когда лица, которым делается вербовочное предложение, просят разъяснить их правовое положение в связи с предстоящим сотрудничеством. Логично предположить, что в условиях дальнейшего развития процессов демократизации и гласности юридический аспект в работе с агентурой будет приобретать все большее значение. Не менее актуальной является задача повышения степени правовой защищенности самих сотрудников контрразведки. Очевидна необходимость закрепления прав и обязанностей оперативных работников и других сотрудников КГБ СССР не в ведомственных (закрытых) нормативных актах, а в открытом законодательном документе, но это уже тема другой статьи.

Одной из основных черт социалистического правового государства является высокий статус прав человека. В правовом государстве правам человека придается непосредственное юридическое выражение, что предполагает возможность ссылок на эти права в качестве юридического аргумента. Принципиальные установки по этому вопросу даны в резолюции «О правовой реформе», принятой XIX Всесоюзной партийной конференцией: «Первостепенное внимание необходимо уделить правовой защите личности, упрочить гарантии осуществления политических, экономических, социальных прав и свобод советских граждан». В этих условиях актуальной является задача овладения сотрудниками контрразведывательных подразделений понятийно-терминологическим аппаратом по правам человека, изучения международно-правовых и внутригосударственных актов, которые регулируют эти вопросы. По мере проведения правовой реформы будут расширяться возможности советских граждан по юридической защите своих прав

и законных интересов. В социалистическом правовом государстве в этом отношении на первый план выступает судебный порядок защиты прав граждан. Закон СССР «О порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан» является лишь первым, начальным шагом в этом направлении. Следует исходить из того, что в ходе судебной реформы роль суда будет возрастать и граждане получат возможность обращаться в суд, когда они будут считать нарушенными свои законные права в связи с допуском к секретам, отказом в выезде за границу и т. п. Все это, соответственно, повысит требования к юридической обоснованности принимаемых по этим вопросам решений.

Особое внимание к правам и свободам граждан не исключает, а, напротив, предполагает высокую меру ответственности гражданина за свои действия. В резолюции «О правовой реформе» подчеркивается, что «следует повысить ответственность каждого гражданина перед своим коллективом, государством и обществом в целом».

Характерной чертой социалистического правового государства является соблюдение международного права, своевременное и полное отражение во внутреннем законодательстве международно-правовых обязательств, неукоснительное следование им на практике. Все это, а также стремительная интернационализация жизни советского общества предъявляет новые, более высокие требования к уровню правовой культуры сотрудников контрразведки.

Принципиально новая ситуация складывается в настоящее время вокруг вопроса о соотношении международного и внутригосударственного права. Исходя из того, что международно-правовые обязательства государств имеют преимущественную силу над их внутренними установлениями, Советский Союз выступает за утверждение примата международного права в политике. Важный практический аспект этой установки заключается в том, что в тех случаях, когда советское законодательство будет противоречить международно-правовым документам, предпочтение следует отдавать последним. В этом отношении показателен пример с Итоговым документом Венской встречи государств — участников Советского Союза по безопасности и сотрудничеству в Европе. Руководствуясь тем, что венские договоренности действуют с момента их принятия, Политбюро ЦК КПСС в своем решении 24 января 1989 года указало на необходимость приступить к их практической реализации соответствующими министерствами и ведомствами. В этой связи потребуются создание новых законодательных актов (о въезде в СССР и выезде из СССР, о печати, о государственной тайне, о свободе совести, об общественных организациях и ряда других) и на их основе — внесение изменений в нормативные документы КГБ СССР, регулирующие, например, контрразведывательную работу на каналах въезда в СССР иностранных граждан, выезда советских граждан за границу, борьбу с религиозным экстремизмом и т. д.

При проведении контрразведывательной работы нельзя не учитывать все более набирающий силу процесс включения Советского Союза в международные контрольные механизмы, особенно по гуманитарным вопросам. 10 февраля 1989 года принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, в соответствии с которым Советский Союз признал обязательную юрисдикцию Международного суда ООН по гуманитарным вопросам. Таким образом, возможные споры между Советским Союзом и другими государствами — участниками этих договоров могут передаваться в Международный суд ООН по требованию одной из сторон. В настоящее время рассматривается вопрос о присоединении СССР к Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах, который предусматривает возможность обращения отдельного лица в Комитет по правам человека, созданный на основе пакта, с жалобой о нарушении государством его прав. При этом следует иметь в виду, что такая жалоба будет рассматриваться, если лицо исчерпало все внутригосударственные средства защиты.

Новое юридическое мышление сотрудников контрразведки должно учитывать значительные изменения в правовом регулировании вопросов въезда в СССР и выезда из СССР. Приведение советского законодательства в этой области в соответствие с международными обязательствами существенно изменит обстановку на этом участке контрразведывательной работы. Можно обоснованно прогнозировать беспрецедентные перемещения через границу лиц, представляющих интерес для органов государственной безопасности СССР. В этих условиях актуальное значение приобретает хорошее знание международных договоров о правовой помощи по гражданским и уголовным делам, которые можно использовать для решения вопросов обеспечения госбезопасности.

В рамках одной статьи невозможно детально и всесторонне рассмотреть концепцию социалистического правового государства и все аспекты ее влияния на формирование нового юридического мышления сотрудников контрразведки. Некоторые суждения высказаны в постановочном плане и, возможно, не являются бесспорными. Важным представляется другое — влияние реализации концепции правового государства, осуществления правовой реформы на оперативно-служебную деятельность требует широкого обсуждения этой проблемы как научными, так и практически работниками.

ИЗ ПОЧТЫ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КГБ СССР

Уважаемый Владимир Александрович!

Бурятское отделение Советского детского фонда имени В. И. Ленина выражает глубокую признательность вашему подчиненному подразделению — КГБ Бурятской АССР и лично его председателю Г. И. Верещагину за активную помощь в воплощении основных направлений деятельности Детского фонда.

Работники КГБ нашей республики одними из первых откликнулись на призыв оказать шефскую помощь детям-сиротам. Таким образом, под опекой чекистов теперь находятся два детских дома, расположенных в районах республики, и школа-интернат в г. Улан-Удэ. Кроме того, они приобрели благотворительные билеты на сумму свыше тысячи рублей, а в этом году обещали принять самое активное участие в намечаемой БО СДФ имени В. И. Ленина благотворительной акции.

Выражаем и Вам искреннюю благодарность за личное участие в этом благородном деле, направленном на улучшение положения обездоленной части юных сограждан.

Всего Вам самого доброго!

Председатель правления
В. АГАЛОВА